

УДК 821.161.1+94(477.51)

DOI 10.31654/2520-6966-2018-10f-91-36-87

Г. В. Самойленко

доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии, компаративистики и перевода Нежинского государственного университета имени Николая Гоголя

Нежинские письма Н. Гоголя к Г. Высоцкому: к проблеме жизненных и творческих связей

В статье на широком эпистолярном материале раскрываются особенности бытовой и творческой жизни студентов Гимназии высших наук кн. Безбородко, дается характеристика не только адресата писем Н. Гоголя, но и тех лиц, о которых идет речь в них (профессора К. Шаполинский, М. Белоусов, К. Моисеев, Н. Билевич, И. Кулжинский, а также сотрудники Гимназии и товарищи по обучению Н. Гоголя и Г. Высоцкого). Особое место в статье занимает характеристика психологического и морального состояния Н. Гоголя последних лет пребывания в Гимназии, его участие в театральной жизни учебного заведения.

В центре внимания автора статьи – анализ первых литературных произведений Н. Гоголя, в частности его сатира ("Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан"). Автор статьи приходит к выводу, что письма М. Гоголя к Г. Высоцкому есть важным источником информации как о личности будущего писателя, его первых шагах в литературе, так и об особенностях учебно-воспитательного и внеаудиторного процесса, который проходил в Гимназии высших наук кн. Безбородко.

Ключевые слова: Гимназия высших наук, Нежин, Н. Гоголь, Г. Высоцкий, переписка, студенческая жизнь.

Нежинские письма Гоголя – это особое явление в эпистолярном наследии писателя, ибо они связаны с удивительным миром становления и формирования будущего литератора как личности и художника слова. В нежинских письмах Гоголь проходит большой жизненный этап – от мальчика, оторванного от семьи, скучающего и ждущего каникул и встречи с родителями, подростка со своими забавами, хитрыми похождениями и до юноши, который начинает думать о будущем, пробует себя в многосторонней театральной деятельности и литературном сочинительстве, выпуске рукописных альманахов, в собирании местного фольклора и описании народных обычаев, о чем свидетельствует его "Книга всякой всячины, или Подручная энциклопедия".

Именно последний период жизни Гоголя в Нежине оказался наиболее сложным для него, о чем свидетельствуют письма 1827–1828 гг. В этот контекст писем последнего периода и вливается переписка Гоголя с Г. Высоцким, которая уже была в объекте осмысления и научной интерпретации в работах П. Кулиша, В. Шенрока, С. Мачухина, П. Владимировой, Д. Иофанова, Ю. Манна, О. Супронюк и др. [1].

Каждый из исследователей внес свой вклад в публикацию этих писем: идентификация почерка адресата (П. Кулиш, В. Шенрок, С. Мачухин, П. Владимиров), их комментирование (Ю. Манн), расшифровку фамилий и прозвищ, упоминаемых в письме лиц (О. Супронюк) и т. п. Однако на каждом историческом этапе их изучения появляется возможность что-то уточнить, шире прокомментировать, а то и высказать новое предположение о личных и творческих связях двух друзей – Гоголя и Г. Высоцкого.

На сегодняшний день благодаря усилиям исследователей можно определить личность гоголевского адресата: Высоцкий Герасим Иванович (17.XII.1804, с. Недры Переяславского уезда Полтавской губернии – в начале 1870-х годов, там же) [2]. По происхождению он из дворян. Отец его Иван Герасимович имел воинское звание подпоручик. Г. Высоцкий окончил Полтавское двухклассное уездное училище (август 1817 – июнь 1819), где обучался одновременно с Гоголем (август 1818 по июль 1819 год) в разных классах. В январе 1821 года Г. Высоцкий поступил обучаться в Гимназию высших наук князя Безбородко и окончил ее в августе 1826 года, получил вместе с другими студентами первого выпуска право на чин 14 класса [3].

В Гимназии происходят более тесные взаимоотношения Гоголя, который поступил в учебное заведение 1 мая 1821 года, с Герасимом Высоцким. Постепенно они углубляются и превращаются в крепкую дружбу, хотя юноши находились в разных классах и отличались по возрасту. Г. Высоцкий был на 5 лет старше Гоголя, но их сблизил общие взгляды и интересы.

Как отмечает П. Кулиш, который собрал воспоминания о гимназических годах Гоголя, оба гимназисты были дружны, имели много общего в оценке своих товарищей и преподавателей. Эти характеристики часто носили острый сатирический характер. П. Кулиш подчеркивал, что "сходство вкусов сблизило их, ибо тот и другой отличались мечтательностью и комизмом. Все юмористические прозвища, под которыми Гоголь упоминает в своих письмах о товарищах, принадлежат Высоцкому. Он имел сильное влияние на

первоначальный характер гоголевских сочинений. Товарищи их обоих, перечитывая "Вечера на хуторе [близ Диканьки]" и "Миргород", на каждом шагу встречают слова, выражения и анекдоты, которыми г. Высоцкий смешил их еще в гимназии" [4].

В письмах к Г. Высоцкому встречаем несколько своеобразных прозвищ товарищей по гимназии: "Барончик, Доримончик, фон-Фонтик-Купидончик, Мишель Дюсенька, Хопчики" [5], "барон-фон-Фонтик" [Т. X, с. 86], "Мишель наш, барон Кунжут-фон-Фонтик" [Т. X, с. 100] и другие. О. Супронюк считает, что прозвище М. Риттера – Фонтик следует читать Фонтин, ибо оно походит от фамилии надзирателя Гимназии Ивана Михайловича Фонтина. Однако здесь не обязательное совпадение с реально существующей фамилией. У прозвище Фонтик таится что-то особенное ласкательно-пренебрежительное. Поэтому в употреблении Гоголя звучало именно Фонтик, а не Фонтин и поэтому не следует исправлять прозвище М. Риттера, как это предлагает О. Супронюк [6]. Все названные выше прозвища относятся к Михаилу Александровичу Риттеру (29.XII.1809–08.V.1830), из дворянской семьи, внесенной в родословную книгу витебского дворянства, отец Александр Григорьевич был коллежским асессором. Дед Риттера, генерал-лейтенант Георгий фон Риттер, был "из дворян Великой Римской империи княжества Зальцбург, принявший вечное российское подданство". Михаил Риттер вольно-приходящим жил на квартире у проф. И. Ландражина, отличался плохим поведением, был груб, вступал в драки с другими гимназистами, проявлял неповиновение, за что получал различные наказания от надзирателей.

Гимназист Т. Пащенко характеризовал М. Риттера как "юношу большого роста, чрезвычайно мнительного и легковерного" [7]. Все прозвища М. Риттера установил В. Шенрок по воспоминаниям А. Данилевского [8].

Из перечисленных прозвищ часть, конечно, принадлежит и Гоголю, который часто подвергал его насмешкам.

Тот же Т. Пащенко вспоминает, как Гоголь убедил Риттера, что у него не человеческие, а бычьи глаза. И он так разволновался, что чуть не сошел с ума, побежал к директору И. С. Орлау за подтверждением, который направил его в лазарет.

М. Риттер писал стихи, которые не отличались художественным мастерством, и Гоголь, собрав их воедино, издал под названием "Парнаасский навоз".

В письмах к Г. Высоцкому возникает своеобразный портрет этого юноши, созданный различными сатирическими приемами.

Воображение так сильно работало у Гоголя, что он иногда выдумывал не существовавшие ситуации или же преувеличивал отдельные факты биографии М. Риттера: "Барон фон-Фонтик, табачный таможенный пристав, иначе заводчик кунжутного масла, служивший только что перед этим всем драгунским юнкерам подрядчиком в торговле, пьяный подрался с Канчотихою, судились в земском суде. Но, наконец, батюшка фона, узнавши об его проказах, прислал за ним крытую кибитку, чтобы притащить свое чудо в Прилуку и поместить его в хозяйственные форпосты. Но Девинье объявил, что он "никогда не занимался таковою презренною наукою, какова политическая экономия", а непременно хочет ехать в Московский университет... Вообрази, что и это утешение отняли у нас" [Т. X, с. 86]. В этом тексте уже чувствуется гоголевский сатирический стиль.

Острота взглядов Гоголя не упускала деталей, напрашивавших на осмеяние товарищей и служащих Гимназии. Объектом его насмешек был Ф. Бородин, которого Гоголь назвал Расстригою Спиридоном за низкую стрижку волос, и посвятил ему специальное стихотворение. А другому своему товарищу И. Пашенко он посвятил эпиграмму "Насмешнику некстати", назвав его Вралкиным. С немца-воспитателя Зельднера, у которого Гоголь был на квартире, нарисовал остросатирический портрет, используя отдельные внешние детали его облика: "Гицель – морда поросычья, / Журавлины ножки; / Тот же чортик, что в болоте, / Тильки пристав рожки".

О тяготении Гоголя к юмористическим, сатирическим зарисовкам отдельных лиц свидетельствуют не только письма к Г. Высоцкому, но и другие, написанные им в Нежине.

Обаяние М. Риттера для Гоголя было настолько привлекательным, что он не оставляет юношу без внимания во всех письмах к Г. Высоцкому, каждый раз дополняя его характеристику новыми деталями.

В письмах Гоголя к Г. Высоцкому много фамилий его соучеников и преподавателей. К одним он относится с уважением, употребляя их фамилии в официальной форме или же с именем-отчеством, к другим – с явной иронией или юмором.

Из преподавателей он выделяет К. Шапалинского, который передавал записку Г. Высоцкого Гоголю. Трудно сейчас восстановить момент встречи Г. Высоцкого с Каземиром Варфоломеевичем Шапалинским (1786, Вилькомирский уезд Виленской губернии – 1867, Вятка), старшим профессором математики и естественных наук. После отъезда 1826 года в Одессу И. Орлая, занявшего место директора Ришельевского лицея, К. Шапалинский начал исполнять

обязанности директора Гимназии в Нежине (1826–1827). Студенты и часть преподавателей ценили его человечность и добродетельность. Сокурсник Г. Вольнского Петр Редкин так характеризовал профессора: "Безукоризненная честность, неумытная справедливость, правдолюбивое прямотушие, скромная молчаливость, тихая серьезность, строгая умеренность и воздержание в жизни, отсутствие всякого эгоизма, всегдашняя готовность ко всякого рода самопожертвованиям для пользы ближнего... вот основные черты нравственного характера этого чистого человека, достойного во всех отношениях гораздо лучшей участи" [9].

Студенты уважали проф. К. Шапалинского, который блестяще знал свой предмет, преподавал его четко, сжато и ясно, без всякого фразерства, увлекая своих учеников излагаемым материалом. Н. Гоголю трудно давались математические предметы, но итоговые оценки были высокие – по физике и началам химии – хорошо, по естественной истории – превосходно [10].

Гоголь любил фортификацию, которую читал К. Шапалинский и по ее отдельным разделам проводил занятия на местности, о чем он сообщал своим родным.

К. Шапалинский был человеком прогрессивных взглядов, и это отразилось не только на системе его обучения и воспитания гимназистов, поддерживал своих мыслящих коллег, и в той сложной обстановке стремился утверждать прогрессивные приемы воспитания гимназистов, которые способствовали развитию их научных и эстетических взглядов, за что подвергали его критике реакционно настроенные преподаватели, в частности за разрешение играть студентам в театре и т. п.

По просьбе Г. Высоцкого Гоголь обращался к К. Шапалинскому как и.о. директора с просьбой выдать диплом друга: "Об твоём аттестате, – писал Гоголь другу, – я всегда надоедал Шапалинскому и теперь крепко настоял, чтоб отсылать к тебе" [Т. X, с. 81]. Кроме того, у Гоголя были отношения с профессором и вне аудиторий Гимназии. Вместе они ездили в село Кибинцы к Трощинскому в 1825 на Рождественские праздники, а также в другие дни.

Гоголь сообщал другу и о женитьбе профессора. В это время он совершил бракосочетание с сестрой Августа Ивановича Амана (1800–), надзирателя Гимназии (1823–1829). По "делу о вольнодумстве" в Гимназии К. Шапалинский был "отрешен" от работы "за вредное на юношество влияние" и сослан у Вятку, где долгое время бедствовал. Жена уехала вместе с ним и через некоторое время умерла [11].

С уважением Гоголь говорил и о Николае Григорьевиче Белоусове (24.04.1795–14.08.1854), профессоре римского права и его истории (1825–30), которого на работу в Нежин пригласил И. Орлай. Здесь он также читал лекции по естественному и народному праву. Блестящее знание предметов – свидетельство его подготовки в Харьковском университете (1814–1818). В последнее время работы в Гимназии он также исполнял обязанности инспектора. Многие гимназисты отмечали честность, благородство, талант, умение найти подход к ученикам и студентам. Все эти черты профессора Гоголь раскрывает в письмах к Г. Высоцкому. В письме от 10.09.1826 года подчеркивает, что пансион, где проживали гимназисты, столовая, одеяние, внутреннее убранство комнат, сделались прекрасными, благодаря усилиям инспектора И. Белоусова. А в письме от 19.03.1827 года он дополняет свои замечания о плодотворности не только наставнической работы, но и преподавательской: "Все возможные удовольствия, забавы, занятия доставлены нам, и этим всем мы одолжены нашему инспектору. Я не знаю, можно ли достойно выхвалить этого редкого человека. Он обходится со всеми нами совершенно как с друзьями своими, заступает за нас против притязаний конференции нашей и профессоров-школяров. И, признаюсь, ежели бы не он, то у меня недостало бы терпения здесь окончить курс – теперь по крайней мере могу твердо выдержать эту жестокую пытку" [Т. X, с. 85].

Именно благодаря проф. И. Белоусову, К. Шапалинскому и некоторым другим прогрессивным профессорам в это время в Гимназии процветает студенческий театр, гимназисты увлекаются литературным творчеством, выписывают произведения современной литературы.

Гоголь бывал на квартире у И. Белоусова, где проживал товарищ Гоголя А. Божко, двоюродный брат профессора.

В последующее время, после того, как переписка с Г. Высоцким завершилась, в последний период обучения Гоголя в Гимназии произошло много неприятного как в жизни, так и в судьбе И. Белоусова, которого реакционно настроенные преподаватели М. Билевич, П. Никольский, священник Волынский и другие обвинили в пропаганде на его лекциях "вольнодумства". Были собраны у студентов, в том числе и у Гоголя, конспекты по естественному праву. Началось так называемое "дело о вольнодумстве", в которое были втянуты проф. К. Шапалинский, Ф. Зингер, И. Ландражин и некоторые другие. Студентов вызывали на допросы сначала к новому директору гимназии Д. Ясновскому, а затем – чиновнику из

Петербурга Адеркасу. Гоголь встал на защиту своего любимого профессора. Вышеназванные профессора были уволены с работы без права трудиться по педагогической части, сосланы в различные места Российской империи и за границу.

Гоголь интересовался судьбой И. Белоусова, о чем свидетельствуют письма к М. Максимовичу [Т. X, с. 277, 328], а также Н. Прокоповичу [Т. XI, с. 135].

В трех письмах к Г. Высоцкому Гоголь называет более тридцати фамилий и прозвищ. Одни из них упоминаются при описании какой-то ситуации, которая, по мнению адресата, носит комический характер, в частности, одновременная женитьба преподавателей Гимназии ("Всем чиновникам пришла блажь жениться") [Т. X, с. 100]. Среди женихов назван Лопушевский Антон Васильевич (1787–1841), который женился "на какой-то французской мамзели" [Т. X, с. 100]. Здесь же следует и фамилия учителя географии и истории, кассира (1823–1838), выпускника Харьковского университета Самойленко Алексей Ильич (1797). С присущим Гоголю юмором идет сообщение о том, что "Лаура (Персидский) совокупился законным браком с дочерью Капетихи" [Т. X, с. 100]. Персидский Константин Андреевич (1870 – после 1852) преподавал русский язык и каллиграфию, исполнял также некоторые другие должности (1822–1834). Имел кличку Лаура, полученную при помощи Гоголя или Высоцкого, и попадал в самые различные комические ситуации. Женой К. Персидского была Мария Дмитриевна из рода Капетеных (Капетиных), отсюда и кличка Капетиха [12]. В каскаде перечисленных женихов находится и надзиратель в Гимназии в 1825–1828 гг. Ванновский Семен Иванович (1790), который принадлежал к известному шляхетскому роду, прекрасно знал французский язык, а поэтому И. Орлай его взял, чтобы он общался на этом языке с гимназистами в обычной обстановке. В 1826 году у него умерла жена и он остался с двумя малолетними сыновьями. А 26 июня 1827 года Гоголь извещает Г. Высоцкого о том, что "Ванновский женился на Филибертисе (он овдовел при тебе)" [Т. X, с. 100]. Филибертиса – дочь надзирателя, а затем фортепианиста, Ивана Ивановича Филиберта (1793 – не позднее июня 1826), который хорошо владел немецким и французским языками. Его дочь, как свидетельствовал А. Данилевский, "была предметом особых насмешек Гоголя" [Т. X, с. 410]. О Супрунюк наводит интересные сведения о сыне С. Ванновского Петре (1822–1904), который дослужился до звания генерала от инфактерии, занимал должности военного министра (1882–1898), министра просвещения (1901–1902), был членом Государственного совета с 1898 года [13].

Завершается этот перечень женихов и их избранниц сообщением о том, что "даже козак Моисеев намеревается, вероятно, уничтожить одиночество своей жизни, хотя это и кроется во мраке баснословия, но доказательством сему служит его покупка земли, на которой уже начал дом строить" [Т. X, с. 100]. Этим "козаком" оказался Моисеев Кирилл Абрамович (1790–13.05.1853), который работал в Гимназии в 1820–1837 годах. Он закончил Киевскую духовную академию, а потом был вольнослушателем словесного факультета Харьковского университета. В Гимназии был профессором истории и статистики, а также исполнял другие должности. Н. Кукольник дал очень четкую характеристику: "На лекциях говорил много, на инспекции пребывал сух, молчалив и холоден" [14]. "Казался ни злым, ни добрым, как теперь" раздумываю, то мне кажется, что он об нас не думал" [15]. Н. Лавровский, просматривая конспекты и отчеты, пришел к выводу, что они "составлены неумело и даже не совсем грамотно" и "не приводит к благородным заключениям о достоинстве его преподавания" [16]. Исполняющий обязанности директора К. Шапалинский, проверив конспекты К. Моисеева, сделал вывод: "Замечено мною, что история отечественная, главный во всех просвещеннейших государствах предмет занятий при воспитании юношества, для выпускных учеников отдельно читана не была, да и вся история вообще приходится не в надлежащем порядке и без указания ученикам на карте мест, где достопамятнейшие происшествия происходили" [17].

Нет ни одного высказывания гимназистов, которое указывало бы на плодотворное влияние К. Моисеева как историка на своих учеников. Поэтому они часто занимались самостоятельно, переводя исторические источники с иностранных языков.

В словах Гоголя, сказанных в письме к Г. Высоцкому о К. Моисееве, ощущается снисходительно-юмористический оттенок. Назвав профессора без имени и отчества "козаком" да еще и в сочетании с женитьбой, адресат этим самым показал свое отношение к данной особе.

Личность, о которой далее пойдет речь, была неприятна Гоголю, и в письме он только мимоходом ее вспоминает в связи со студентом А. Садовничим, который "до сих пор шатается у Билевича" [Т. X, с. 88].

Билевич Михаил Васильевич (1779 – после 1838), работая в Гимназии в 1821–1833 годах сначала преподаватель немецкой словесности, а затем читал курс политических наук, то есть юридических предметов, по утвержденным учебникам, хотя он обучался во Львов-

ском, Пештском университетах, Пресбургской (Братиславской) академии, а также дополнительно сдал 1824 года экзамен на звание профессора политических наук в Харьковском университете, после чего занял открывшуюся кафедру в Гимназии.

Н. Лавровский, автор очерка о М. Билевиче, анализируя сообщения о профессоре в книге "Лицей князя Безбородко" (СПб., 1859), отметил: "Биографический его очерк в первом издании Лицейского сборника отмечается бросающимися в глаза краткостью и бесцветностью, особенно если принять в соображение продолжительность его службы в Гимназии и важность преподаваемого им предмета: он заключает в себе небольшую выписку из послужного списка и один из немногих без подписи составителя. По всему видно, что дурного говорить не хотелось, а доброго не нашлось, или не нашло себе места, вследствие сохранившихся неблагоприятных воспоминаний" [18].

За все время работы М. Билевич ничем особым себя не проявил, кроме написанных кляуз и создания нервозности и напряженности в коллективе, о чем свидетельствуют его постоянные донесения на студентов и коллег в Правлении Гимназии. По вине М. Билевича началось преследование профессора Н. Белоусова и других преподавателей, которое переросло в "дело о вольнодумстве". Он же резко выступил против занятий гимназистов театром. Поэтому его не уважали ни студенты, ни большинство преподавателей. И. Сребницкий считал М. Билевича "главным врагом Гоголя" [19].

Вскользь Гоголь упоминает о других преподавателях и сотрудниках Гимназии, которые, в основном, названы как те, что передают Г. Высоцкому поклон: Демиров-Мишковский, Батюшечка, Урсо, Антон Васильевич Лопушевский, Гусь Евлампий, Марко-буфетчик.

Каждый из них запомнился друзьям в различных ситуациях, в большинстве комических. Потешными были занятия с фехтования, которые проводил учитель, итальянец за национальностью Урсо Осип Демьянович (Доменикович) (1795). Он трудился в Гимназии в 1824–1835 годах. Эти уроки посещали оба друга.

С иронией Гоголь называет законоучителя в сане протоиерея (1821–1829) Волынского Павла Ивановича (1770–21.12.1839) – Батюшечка. У Гоголя не всегда были равными отношения со священником и на его уроках, и во время церковной службы в гимназической Свято-Александровской церкви. Кроме этого П. Волынский служил в Свято-Преображенской церкви в Нежине. Н. Кукольник положительно отзывался о нем [20]. В "деле о вольнодумстве" Батюшечка присоединился к реакционной части преподавателей,

обвинил И. Белоусова в том, что его лекции "воспитания юношей несоответственными и с самым благочестием несообразными" [21]. Некоторые исследователи жизни и творчества Гоголя ныне указывают на роль П. Вольтынского в религиозном воспитании юноши [22], хотя последний часто подсмеивался над батюшкой.

Всегда в какие-нибудь забавные истории попадал младший профессор греческого языка в 1822–1833 годах. Иеропес Христофор Николаевич (1795–9.05.1855), который приехал из Греции для чтения греческого языка в Александровском грецком училище, которое было открыто для детей нежинской грецкой колонии. Гоголь некоторое время занимался у Х. Иеропеса. В связи с тем, что был женат на дочери проф. Билевича, он поддержал в "деле о вольнодумстве" реакционно настроенных преподавателей.

Несколько раз Гоголь называет в письмах Мышковского Ивана Григорьевича, который служил надзирателем в Гимназии с 20.09.1824 по март 1827 год. Сам дворянского происхождения, был грамотен, до Нежина работал учителем латинского, немецкого и русского языков в различных учебных заведениях. Был благосклонен к гимназистам, не строг, постоянно подвыпивший. На его квартире проживал вольноприходящий гимназист Петр Редкин, в тесной комнате которого, как заметил он сам позже, "постоянно собирался кружок товарищей-журналистов, издателей рукописных журналов и альманахов для чтения и критической оценки заключавшихся в них статей. В этих ученических изданиях впервые началось литературное поприще в последствии известных наших писателей: Гоголя, Кукольника, Базили и других, составивших себе имя в литературе" [23].

Об И. Мышковском Гоголь говорит с юмором: "Демиров-Мышковский здравствует, духом бодр (знает подкреплять его), всегда дежурит у нас и всегда иллюминирован красными огнями, за которую однако же иллюминацию открывают ему обширный путь из гимназии во все закоулки многолюдного мира" [Т. X, с. 86].

Постоянные персонажи студенческой жизни были сторож по кличке Бодян, это прозвище, по мнению О. Супронюк, студенты дали 60-летнему сторожу и швейцару Гимназии Кириллу Колбасе, который был отставным солдатом; директорская ключница – Марта Крейлинг (1827), буфетчик Марко ("прежний фаворит твой, со своею красною жenkою") – это Поздняков Марко (1784), который работал в гимназии в 1826–1828 гг. вместе со своей женой Феодосьей-кастеляншей. Кличкой Гусь Евлампий был награжден студентами фельдшер, цирюльник, крепостной лакей пансионера Н. Григорова, товарища Гоголя, – Евлампий Поляков. Как свидетельствуют вос-

поминания гимназистов в больнице, которая была своеобразным "клубом", часто бывали Г. Высоцкий и Гоголь, а Евлампий не столько лечил, сколько давал возможность устраивать увеселительные минуты или отпускал в город.

Большинство фамилий и прозвищ связаны с какими-то ситуациями и воспроизводятся с юмористической окраской. И это было характерным умовосприятием Гоголя, спецификой его мышления. Надзиратель Гимназии в 1824 году француз Перион Ноэль, вспоминая Гоголя, подчеркивал: "... поведения же он был прекрасного; смиреннее его не было, хотя товарищи часто жаловались на него; он всех копировал, передразнивал, клеймил прозвищами; но характера был доброго и делал это не из желания обидеть, а так, по страсти..." [24]. Замечать комическое в других – это действительно была обычная, естественная страсть Гоголя.

Большинство из упоминаемых лиц – это "нежинские существователи, из них не исключаются и другие наставники наши" [Т. X, с. 98], это всего лишь частица бытовой жизни, с которой соприкасался Гоголь, и не они составляют главную сущность содержания писем к Г. Высоцкому.

Перечитывая их, можно выделить несколько проблем, которые интересовали Гоголя и которым он уделял особое внимание, находясь в атмосфере жизни Гимназии и его гимназического окружения.

Самыми существенными проблемами для Гоголя, о которых он хотел поделиться с другом, была проблема будущего после окончания гимназии, их совместная деятельность. "Но куда еще неизвестно нам предопределение судьбы, ужели нельзя хотя помечтать о будущем? Этим богатством я всегда буду наделен. Оно не оставит меня во всё дление жизни" [Т. X, с. 101]. И в этот мир мечтаний о будущем Гоголь включает и своих друзей-товарищей и эти двадцать лиц, товарищей Гоголя по гимназии, о которых он вспоминает в письмах, включая и его самого – это те, перед которыми в ближайшее время встанет вопрос дальнейшего определения своей судьбы. Уже в первом письме он упоминает обоих общих знакомых – П. Лукашевича и К. Базили, которые оставили Нежин и перевелись вместе с И. Орлаем в Одесский Ришельевский лицей, А. Данилевский, "не знаю, куда понесет его, здесь он весьма худо вел себя" [Т. X, с. 81]. На самом деле А. Данилевского вместе с Н. Прокоповичем и П. Мартосом исключили из Гимназии за распространение вольнолюбивых стихов, и он устроился в Московском университетском пансионе, о чем еще не знал Гоголь, а через некоторое время возвратился в

Нежин. П. Мартоса не восстановили и он пошел служить в армию, а Н. Прокопович продолжил учебу в гимназии.

Ближайшими товарищами Гоголя были: Александр Данилевский, Николай Прокопович, Константин Базили, Андрей Божко, Федор Бороздин, Николай Герард, Нестор Кукольник, Платон Лукашевич, Василий Любич-Романович. Все эти имена уже описаны в литературе как "однокорытники" Гоголя по Петербургу. Каждый из них, как и Гоголь, мечтали оказаться в столице и сделать себе карьеру. Вспоминает Гоголь и сокурсников Г. Высоцкого Федора Бороздина, Николая Миллера, Николая Романова, которые связали свою судьбу с армией.

В центре писем Гоголя стоит фигура Г. Высоцкого, к которому адресат обращается по имени и отчеству: Герасим Иванович. Хотя оба они друзья, однако один из них уже в столице, занимает должность, уважаемый человек, другой всего лишь мечтатель. Гоголь называет Г. Высоцкого: "бесценный друг", "добрый бесценный друг", "милый Герасим Иванович".

Гоголь завидует Г. Высоцкому ("Ты живешь уже в Петербурге, уже веселишься жизнью, жадно торопишься пить наслаждения" [Т. X, с. 80]), мечтает побыстрее соединиться с другом и заявляет, что его не остановят к этому никакие трудности. Гоголь интересуется условиями жизни, ценами на квартиры, жалованиями, то есть готовит себя к новой жизни. Но пока друзья могут соединиться только через полтора года, которые кажутся Гоголю "нескончаемым веком". Хотя каждое письмо Г. Высоцкого – это для Гоголя звездное мгновение радости, которое приносит ему удовольствие, возбуждает его к мечтам о том времени, когда они будут ходить по берегам Невы, восторгаться красотами Петербурга. Для Гоголя кажется, что "уже осуществилась – в мечте – жизнь будущая для меня, мне казалось, я услышал родные звуки сердца, меня понимающего – это было письмо твое" [Т. X, с. 84].

С чем встретится Гоголь в петербургской жизни, что его ожидает в будущем, он все это как бы прокручивал в сознании. "Без радости и без горя, в глубоком раздумьи стоял я над дорожкой жизни, безмолвно обсматривая будущее. – С минут твоего выбытия в душе моей залегла пустота, какое-то безжизненное чувство. И вот ты меня высвободил из моего мертвого усыпления. Я теперь всё тот же как прежде веселый, преданный тебе, с виду холодный, но в сердце пламенный к чувствам дружбы" [Т. X, с. 85].

Эта дружба была настолько сильной и близкой, что Гоголь мог со своим другом "слить долговременные думы мышления свои"

[Т. X, с. 97]. И Гоголь мечтает об окончании учебы, а с ним и получения "благодатной свободы". В письмах немало грустных слов, относящихся к жизни Гоголя в Гимназии, тому состоянию, в котором находится сам адресат.

Три письма Гоголя к Г. Высоцкому охватывают время с 17 января 1827 года по 26 июня 1827 год – от окончания зимних каникул и до летних. Впереди завершальный год учебы. Но именно этот период письменного общения с Г. Высоцким был показателен в его судьбе. Он начинает понимать, что без знаний он не сможет осуществить мечты о своем служении Отечеству. В письме к матери, написанном почти одновременно к Г. Высоцкому, Гоголь пишет 26 февраля 1827 года: "... ежели об чем я теперь думаю, так это все о будущей жизни моей. Во сне и наяву мне грезится Петербург, с ним вместе и служба государству" [Т. X, с. 83].

Если сравнить письма к Г. Высоцкому и другим адресатам, то в них много общего. Последующее время было уже без Г. Высоцкого. По неизвестным причинам переписка прервалась. Потеряв своего адресата летом 1827 года, Гоголь ищет того, кому бы он мог раскрыть душу, рассказать о своем сокровенном. Им оказался дяденька Петр Косяровский. Письмо к нему от 3 октября 1827 года очень доверительное. Это всплеск эмоционального раскрытия душевного состояния юного Гоголя, душа, мысли которого наполнены самыми благородными чувствами и мечтаниями о перспективах своей жизни, связанной не с мелочами, домашними, провинциальными заботами, а с высокими порывами служения Отечеству. "Еще с самых времен прошлых, с самых лет почти непонимания, я пламенел неугасимую ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства, я кипел принести хотя малейшую пользу. Тревожные мысли, что я не буду мочь, что мне преградят дорогу, что не дадут возможности принести ему малейшую пользу бросали меня в глубокое уныние. Холодный пот проскакивал на лице моем при мысли, что, может быть, мне доведется погибнуть в пыли, не означив своего имени ни одним прекрасным делом – быть в мире и не означить своего существования – это было для меня ужасно" [Т. X, с. 111].

Гоголь даже определяет должность, которая будет способствовать осуществлению его цели, – это юстиция. Именно здесь он видел свое место, ибо "неправосудие, величайшее в свете несчастье, более всего разрывало мое сердце" [Т. X, с. 112]. И эти мысли Гоголя, родившиеся давно, подкреплялись размышлениями профессора И. Белоусова на лекциях по естественному праву. Он любил своего педагога, уважал его и в трудную для него минуту, во время рас-

следования "дела о вольнолюбстве", защищал его. Здесь Гоголь доказал прежде всего себе, что он верен своим юношеским идеалам и тем, кто им дает почву для развития. Больше подобных откровений в письмах нежинского периода мы не увидим. С этими мечтами Гоголь и уедет в холодный Петербург в поисках своего места в жизни. Не сразу он его найдет, не сразу определится он в своих устремлениях, будет перед ним стоять юношеский вопрос: "Исполнятся ли высокие мои начертания?", но он, наконец, выйдет на ту дорогу, которую определил еще в Нежине и по которой он шел, провозглашая свои мысли и поучая, как жить другим. Мессианское предназначение, как заметил П. В. Михед, зарождавшееся в Нежине, воплотилось в жизнь, порождая новые трудные ситуации, ошибочные надежды и разочарования.

Письмо к Петру Косяровскому интересно еще одной стороной. Гоголь в пылу откровения извещает то, что никому не доверял – о своем таинственном, своем самом затаенном даже от своих ближайших друзей. "В эти годы, – пишет он, – эти долговременные думы свои я затаил в себе. Недоверчивый ни к кому, скрытный, я никому не поверял своих тайных помышлений, не делал ничего, что бы могло выявить глубь души моей. – Да и кому бы я поверил и для чего бы высказал себя, не для того ли, чтобы смеялись над моим сумасбродством, чтобы считали пылким мечтателем, пустым человеком? – Никому, и даже из своих товарищей, я не открывался, хотя между ними было много истинно достойных" [Т. X, с. 112].

Письма Гоголя из Нежина осени 1827 – лета 1828 годов, адресованные матери и относящиеся к последнему периоду пребывания его в гимназии тому периоду, который не подкреплен письмами к Г. Высоцкому, ничем особенным не отличаются, потому что в них идет речь о бытовых эпизодах жизни, а также хвалебные и заверительные слова, адресованные матери. Но если раньше проскальзывали лишь отдельные замечания, которые касаются учебы, типа: "Мне здесь очень весело, особенно когда оканчиваю на время свои занятия, которые также приносят мне удовольствия неизъяснимые" [Т. X, с. 104], то к концу предпоследнего семестра все настойчивее звучит мысль о необходимости более серьезно догонять утерянное. "Я теперь совершенный затворник в своих занятиях. Целый день с утра до вечера ни одна праздная минута не прерывает моих глубоких занятий". Гоголь обещает с удвоенной, утроенной энергией достичь того, что утеряно, хвастается, что достиг успехов в языках. Как свидетельствуют ведомости успеваемости, Гоголь, действительно, улучшил свои успехи, доказал, что он может учиться хорошо.

Однако поражает какая-то необоснованная, упорная, настойчивая просьба о присылке денег вплоть до продажи части имения. Категоричность ощущается в требовании прислать деньги на книги. Пришлете – будут успехи, не пришлете – все будет потеряно. Эта мысль целеустремленно звучит в письмах.

Обожание, умиление, забота и беспокойство о матери идут рядом с настойчивой требовательностью прислать деньги. Мать упрекала сына в его беспечной трате денег, все же идет ему навстречу. Использование уменьшительных суффиксов в словах-обращениях к матери в какой-то мере связано со стремлением во чтобы то ни стало получить деньги. Гоголь помнил о материальных трудностях семьи, но юношеский эгоизм брал верх.

Гоголь вдруг строит себе план – за рождественские каникулы подогнать все, что ранее было упущено. И сокрушается, что без денег он уже не смог осуществить своих планов. "Я всем этим (т. е. каникулярным весельем – Г.С.) решился пожертвовать для однообразного, трудного занятия, вечного заточения. – Видно было, что я больше предпочитал тягостное приобретение пользы упоительным радостям веселия, и при том в такое время, когда все веселились. И вообразите: теперь, когда я увидел свой план разрушенным, когда, окончив одни занятия, чтобы приняться за другие, я увидел, что мне нечем заниматься, что я не только не получаю от вас желанных денег, но никакого ответа, я принужден был бросить все. Да и мог ли я заниматься чем-нибудь, видевши главное свое неисполненным? Вы не можете вообразить тогдашнего моего бешенства, я был точно сумасшедший, заперся в своей комнате, грыз от досады стол, плакал, бегал от всех; и в уединении от всех разрывался в досадах и медленно начал успокаиваться только с пришествием праздников...

Я не жалею о тех почти даром ушедших 3 или шести годах, я не понимал этого. – Но в эти три недели, когда я думал столько сделать, когда я так ясно понимал всю важность моих занятий, когда я так пламенно жаждал употребить это самое лучшее время в самую великую пользу, когда никто не мешал мне, когда эти три недели были важнее для меня четырех месяцев, и видеть все свои надежды разбитыми – о! Это ужасно" [Т. X, с. 121].

Размышления Гоголя о своем бедственном существовании, ибо мать в силу материальных трудностей не могла удовлетворить вдруг вспыхнувшее желание купить книги и поправить в одно каникулярное мгновение свои упущенные ранее возможности учиться лучше, и о прожитых в гимназиях годах – все это одна цепь. И

заявление о том, что он "утерял целые 6 лет даром", что "в этом глупом заведении" он не мог узнать ничего больше, – все это эмоции, которые объясняются пониманием того, что нужно подводить итоги, нужно держать государственные экзамены и получать аттестат, который будет соответствовать набранным баллам. Поэтому и его заявление: "... если я что знаю, то этим обязан совершенно одному себе" необходимо воспринимать критично. Конечно же, многое зависит от упорства, настойчивости в приобретении знаний от самого студента, но без целенаправленных, систематических аудиторных занятий при помощи профессоров добиться хороших результатов довольно трудно.

Критическое отношение Н. Гоголя к гимназии было вызвано и той внутренней жизнью, теми постоянными нелицеприятными разборами, интригами, которые шли между преподавателями и в которые были втянуты студенты. Все это вылилось со временем в так называемое "дело о вольнодумстве".

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что заявление Гоголя о том, что он ничего не взял в гимназии, носит эмоциональный характер студента последнего курса, который ощутил, что, действительно, многое упустил, потерял, и прежде всего баллы, которые играли большую роль в определении гражданского чина. Но это еще не свидетельствует о том, что школа ему ничего не дала. Ведь достаточные знания получили другие гимназисты. Учись, работай самостоятельно, как это делали П. Редкин, В. Тарновский, В. Любич-Романович, К. Базили и другие, получившие звание кандидата и чин 12 класса.

Конечно, нельзя идеализировать постановку образования в гимназии, ее преподавателей, ибо там было немало и неприемлемого, но последние годы учебы Н. Гоголя свидетельствуют о том, что можно получить знания как в классе, так и работая самостоятельно.

Вчитываясь в сказанные Н. Гоголем слова о недостаточных знаниях, ставишь вопрос: "А каких знаний?" Ведь, если бы их не было, то не было бы и гениального писателя Гоголя, не было бы и профессора С.-Петербургского университета и претендующего на эту должность в Киевском университете св. Владимира, ведь после Нежина Н. Гоголь нигде не учился. Значит, те знания, которые он получил, были достаточными для его работы.

Гоголь – натура деятельная. В связи со слабыми знаниями языков он не смог принять участие в составлении всемирной истории по переводным зарубежным источникам, что делали П. Редкин, К. Базили, В. Любич-Романович и другие, но он был инициатором

другого важного дела – воспитания и развития эстетических наклонностей, связанных с организацией театра, выпуска рукописных литературных альманахов и журналов, создания библиотечки новинок литературы и т. д.

Перечитывая письма Гоголя нежинского периода, ощущаешь некоторую наигранность, театральную эмоциональность, даже лицедейство, которые сидели внутри его и вылезали постоянно, демонстрируя его игру с адресатом. Эта черта будет укореняться и проявляться и в дальнейшем. Поэтому к различным его заявлениям, относящимся к периоду учебы в гимназии, необходимо относиться с пониманием и осмысленным восприятием.

Посмотрим, с какими же результатами Гоголь завершает учебный год. Н. Гоголь понимал, что осуществить свою мечту можно, если поднатужиться и получить хороший аттестат. Очевидно, это и повлияло на общие успехи и оценки с основных предметов на последнем году учебы, о чем свидетельствуют ведомости как точных оценок, так и экзаменационных. В аттестате, полученном в июне 1828 года, значилось, что студент Николай Гоголь-Яновский, имея очень хорошее поведение, окончил курс наук в гимназии и сдал предметы с оценками: Закон Божий, нравственная философия, логика, российская словесность, римское право, российское гражданское право, российское уголовное право, государственное хозяйство – очень хорошими, чистая математика – посредственными, физика и начала химии – хорошими, естественная история – превосходными, военные науки – очень хорошими, география всеобщая и российская – хорошими, история всеобщая и российская – очень хорошими, латинский – хорошими, немецкий – довольно хорошими, французский – очень хорошими. В целом общий бал был "4". Это при четырех балльной системе знаний, которая существовала в Гимназии.

Из 26 предметов, которые Гоголь изучал в девятом классе, по 21 были отличные и хорошие, а по остальным – удовлетворительные оценки. Успешно он сдал и выпускные экзамены. Конечно же, не все предметы одинаково давались Гоголю, сложнее было с математикой и языками. У него не было склонностей к освоению языков, и это позже сказалось в повседневной его жизни, когда он выезжал за границу. Однако Гоголь старался. И то, что он получил на выпускном экзамене по латинскому и французскому языкам отличную, а по немецкому хорошую оценку, опровергает утверждение учителя латинского языка в младших классах И. Г. Кулжинского о том, что при выпуске из Гимназии Гоголь "не знал спряжение глаголов ни на одном языке" [25]. Исследователь раннего периода жизни

и творчества Гоголя Д. Иофанов на документальном материале доказал несостоятельность утверждений И. Г. Кулжинского о том, что будущий знаменитый писатель плохо учился и что гимназия ему ничего не дала. К сожалению, эта неверная версия, не подтвержденная архивными материалами документально, продолжает кочевать из одной научной статьи в другую.

Исследователи, интересующиеся учебой Гоголя, обратили внимание на годовые оценки выпускного класса, в частности на общий годовой балл "2 1/2". Проф. И. А. Сребницкий, сопоставляя эти таблицы успеваемости, отмечал: из ведомости № XXXIV видим годичный результат у Гоголя "2 1/2", в таблице XXXV стоит ровно "2". Повторяем, это при 4-х балльной системе оценки знаний в Гимназии. Согласно разъяснениям министерства народного просвещения и директора гимназии Ясновского числа дробью должны были доводить до целого числа. Поэтому Конференция некоторым студентам Александру Данилевскому, Николаю Котляревскому "2 1/2" балла перевела в 3 балла, а Миллеру и Гоголю – в "2" балла, что снизило общий балл, и вместо "11" у Гоголя появился общий балл "10". Эта разница в один балл отразилась на определении классного чина. Студентам, имевшим общий балл 12–11, присваивали чин 12 класса и звание кандидата, а тем, кто имел 10–9 баллов – чин 14 класса и звание студента. Именно на это обратила внимание мать Н. Гоголя Мария Ивановна в письме к П. П. Косяровскому: "Никоша мой имеет чинок в ранге университетских студентов 14 класса. С ним несправедливо поступили, так же, как и с другими, в его отделении бывшими, по причине партий их наставников. Ему следовало получить 12 класс, но он нимало не в претензии, тем более что обе партии сказали, что он достоин был получить даже 10 класс, когда бы был плох он в том училище, а 12 по всем правам должно было ему дать. Главное, что надо было более ласкаться к ним, а он никак не мог сего сделать" [26]. Все эти подробности, которые Мария Ивановна Гоголь получила от сына, свидетельствуют, что существовавшие в Гимназии трения между преподавателями отражались и на их студентах.

Проф. И. А. Сребницкий называет эти две партии: одна во главе с проф. М. Билевичем, другая – во главе с проф. Н. Белоусовым. Сторонники первой партии старались всякими средствами насолить своим противникам, не стесняясь даже делать учеников орудием своей борьбы.

Н. Гоголь считал, что именно группа преподавателей во главе с нелюбимым профессором М. Билевичем воспрепятствовала конференции прибавить ему к отметкам ту половину, которая дала бы право на чин XII класса.

Нельзя согласиться с Гоголем, что Нежинская гимназия высших наук не дала ему знаний, ибо в этом учебном заведении работало немало довольно образованных для того времени профессоров, в частности Н. Г. Белоусов, К. В. Шапалинский, Ф. И. Зингер, И. Я. Ландражин, Н. Ф. Соловьев, С. М. Андрущенко, которые знали не только свой предмет, те положения, которые требовала программа и предлагали учебники, но и демонстрировали свои знания далеко за ее пределами, добивались от своих воспитанников понимания изучаемого материала. Хотя, конечно, следует учитывать, что схоластика, ограниченность программ и чтение курсов только по утвержденным учебникам накладывали свой отпечаток на знаниях гимназистов. Однако именно эти преподаватели часто отходили от программ, за что и пострадали впоследствии. На этом этапе победили Моисеевы, Билевичи, Никольские не своими знаниями, авторитетом, а клеветой, доношением, политической демагогией, что воспринималось в то сложное последекабристское время официальными кругами как верноподданническое служение самодержцу.

Параллельно с проблемой будущего в письмах к Г. Высоцкому Гоголь с конкретными сообщениями о фактах бытовой жизни в Гимназии ставит проблему эстетического воспитания личности, в том числе и студентов. И такими средствами для него в первую очередь были театр и музыка.

Уже в первом письме к Г. Высоцкому от 17 января 1827 года Гоголь интересуется ими: "Ты мне мало сказал про театр, как он устроен, как отделан. Я думаю, ты дня не пропускаешь, – всякий вечер там. Чья музыка?" [Т. X, с. 81]. Он судит об интересах друга по своим вкусам. Для Гоголя театр многое значит и занимает в его жизни важное место. Он связан с ним с детских лет, ибо принимал участие вместе с родителями в театре вельможи Трощинского в Кибинцах.

Отец Гоголя сам писал пьесы ("Простак, або Хитроці жінки, перехитреної солдатом", "Собака – вівця" и др.), которые разыгрывались на сцене помещичьих домашних театров. Одну из них, по преданию, и поставил Н. Гоголь на сцене гимназического театра.

Первые представления в Гимназии начали готовить в конце 1823 – начале 1824 года. Это была пьеса В. Озерова "Эдип в Афинах". В музее университета сохранилась книга "Сочинения В. А. Озерова" (ч. I, СПб., 1816), по которой Гоголь и другие гимназисты готовили роли в трагедиях "Эдип в Афинах", а затем "Фингал". Письма Н. Гоголя к родителям, а также к соученику Г. И. Высоцкому свидетельствуют о том, какую большую работу проводили гимназисты в связи с постановкой спектаклей [27]. Их успех способствовал поискам новых пьес для репертуара.

В письме к родителям от 22 января 1824 года Гоголь просит прислать комедии "Бедность и благородство души" и "Ненависть к людям и раскаяние" немецкого драматурга Августа Фридриха Коцебу (1761–1819), пьесы которого были популярны в России, а также "Богатонов, или Провинциал в столице" (1817) М. И. Загоскина. "И еще ежели каких можно прислать других, за что я вам очень буду благодарен и возвращу в целости" [Т. X, с. 45].

Исследователь театра на Черниговщине Кость Копержинский считал, что гимназисты, кроме русских и зарубежных, ставили и украинские пьесы, в том числе и Василия Гоголя и Ивана Котляревского. Правда, свой вывод относительно "Наталки Полтавки" он делает на основании описанной в воспоминаниях Т. Пащенко декорации. Но это всего лишь догадки исследователя. Сценки, сочиненные Н. Гоголем и Н. Прокоповичем на малороссийские сюжеты, действительно шли.

В тех же воспоминаниях Т. Пащенко читаем: "Однажды сочинили они пьесу из малороссийского быта, в котором немалую роль дряхлого старика Малоросса взялся сыграть Гоголь. Разучили роли и сделали несколько репетиций. Настал вечер спектакля, на который съехались многие родные лицеистов и посторонние. Пьеса состояла из двух действий; первое действие прошло удачно, но Гоголь на нем не являлся, а должен был явиться во втором. Публика тогда еще не знала Гоголя, но мы хорошо знали и с нетерпением ожидали выхода его на сцену. Во втором действии представлена на сцене простая малороссийская хата и несколько обнаженных деревьев, вдали река и пожелтевший камыш. Возле хаты стоит скамейка; на сцене никого нет. Вот является дряхлый старик в простом кожухе, в бараньей шапке и смазных сапогах. Опираясь на палку, он едва передвигается, доходит, кряхтя, до скамейки и садится. Сидит, трясется, кряхтит, хихикает и кашляет; да, наконец, захихикал и закашлял таким удушным и сильным старческим кашлем с неожиданным прибавлением, что вся публика грохнула и разразилась неудержимым смехом... А старик преспокойно поднялся со скамейки и поплелся со сцены, уморивши всех со смеху. Бежит за ширмы инспектор Белоусов – Как же это ты, Гоголь? Что же это ты сделал?!! – А как же вы думаете сыграть натуральнее роль восьмидесятилетнего старика? Ведь у него, бедняги, все пружины расслабли и винты уже не действуют, как следует". На такой веский аргумент инспектор и все мы расхохотались и более не спрашивали Гоголя. С этого вечера публика узнала и заинтересовалась Гоголем, как замечательным комиком" [28].

Некоторые исследователи к первым опытам игры Гоголя-актера относят различные его проказы, шутки, которые отличались остроумием и изобретательностью. А. Коялович все эти шутки и шалости называет простейшей формой подражания, которую "можно назвать зародышем высших форм драматического искусства" [29]. Но возникает вопрос, кому и чему подражал Гоголь? Ответа здесь нет, ибо Гоголь не подражал, а сам творил жизненную мизансцену в зависимости от обстоятельств, участников события, которые могли спровоцировать или подготовить к самовыражению Гоголя-актера.

Известно, что официальное разрешение на устройство в гимназии театра было получено 28 декабря 1826 года. Можно считать, что именно оно и послужило основанием театра в Нежине, ибо до этого времени спектакли в городе были эпизодическими. А приезд в Нежин попечителя гимназии Г. А. Кушелева-Безбородко окончательно утвердил театральное дело в учебном заведении.

В памяти студентов надолго остался 1827 год. Любители театра создали несколько интересных спектаклей. Во многих из них Н. Гоголь был режиссером-постановщиком, актером, оформителем, декоратором, бутафором. Поэтому в письмах к родным он часто просил что-нибудь для театра: "Ежели можно прислать и сделать несколько костюмов, сколько можно, даже хоть и один, но лучше бы побольше, также хоть немного денег... Каждый из нас уже пожертвовал, что мог, а я еще только. Как же я сыграю свою роль, о том я вас извещу" [Т. X, с. 45].

В письме от 26 февраля 1827 года Н. Гоголь сообщал матери, что на масленице четыре дня подряд ставили пьесы, "и к чести нашей, признали единогласно, что из провинциальных театров ни один не годится против нашего. Правда, играли все прекрасно. Две французские пьесы соч. Мольера и Флориана, одну немецкую соч. Коцебу. Русские: "Недоросль", соч. Фонвизина, "Неудачный примиритель" Княжнина, "Лукавин" Писарева и "Береговое право" соч. Коцебу. Декорации были отличные, освещение великолепное, посетителей много, и все приезжие, и все с отличным вкусом... Музыка тоже состояла из наших: восемнадцать увертюры Россини, Вебера и других были разыграны превосходно. Короче сказать, я не помню для себя никогда такого праздника, какой я провел теперь" [Т. X, с. 83]. Об этом он говорил и в письме к Г. Высоцкому от 19 марта 1827 года.

Гоголь отдавал театру немало сил, времени и своего таланта. Он был его душой. Всегда с увлечением играл в пьесах русских драматургов. Но администрация гимназии ставила условие: непременно играть одну французскую или немецкую пьесу на соответствующем

языке. "Гоголь должен был также участвовать в одной из иностранных пьес, – вспоминал Н. Кукольник. – Он выбрал немецкую. Я предложил ему роль в двадцать стихов, которые начинались словами: "O mein Vater!", затем шло изложение какого-то происшествия. Весь рассказ оканчивался словами: "nach Prag!". Гоголь мучился, учил роль усердно, одолел, выучил, знал на трех репетициях, во время самого представления вышел бодро, сказал: "O mein Vater!", запнулся... покраснел... но тут же собрался с силами, возвысил голос, с особенным пафосом произнес: "nach Prag!" – махнул рукой и ушел... И слушатели, большей частью не знавшие ни пьесы, ни немецкого языка, остались исполнением роли совершенно довольны. Зато в русских пьесах Гоголь был истинно неподражаем, особенно в комедии Фонвизина "Недоросль", в роли г-жи Простаковой; я играл Митрофанушку... Скотинина – А. А. Божко, Кутейкина – Н. П. Григоров, Цифиркин-Миллер, Вральмана – Марков и т. д. Из русских пьес – я помню еще представление "Чудаков", комедии Княжнина, "Хлопотуна" – Писарева (главная роль – Гоголь); из французских – "Medecin malgre lui" и "Avare" Мольера. Мы собрались играть "Фингала"; роли были розданы; даже репетиции по частям начались. Роль Старна назначалась Гоголю, Фингала – мне, Моины – Гинтовту, но уже теперь не помню, что расстроило этот спектакль и весь наш домашний театр" [30].

О формировавшемся таланте Гоголя, актера-комика, говорил и близкий его товарищ Т. Пашенко: "На небольшой сцене второго лицейского музея лицеисты любили иногда играть по праздникам комические и драматические пьесы. Гоголь и Прокопович, задушевные между собой приятели, особенно заботились об этом и устраивали спектакли. Играли пьесы и готовые, сочиняли и сами лицеисты. Гоголь и Прокопович были главными авторами и исполнителями пьес. Гоголь любил преимущественно комические пьесы и брал роли стариков, а Прокопович – трагические... Гоголь взялся сыграть роль дяди-старика, страшного скряги. В этой роли Гоголь практиковался более месяца, и главная задача для него состояла в том, чтобы нос сходился с подбородком. По целым часам просиживал он перед зеркалом и пригибал нос к подбородку, пока наконец не достиг желаемого. Сатирическую роль дяди-скряги сыграл он превосходно, морил публику смехом и доставил ей большое удовольствие. Все мы думали тогда, что Гоголь поступит на сцену, потому что у него был громадный сценический талант и все данные для игры на сцене: мимика, гримировка, переменный голос и полнейшее перерождение в роли, какие он играл. Думается, что Гоголь затмил

бы и знаменитых комиков-артистов, если бы вступил на сцену" [31]. На это указывал и А. С. Данилевский, замечая: "Вообще Гоголь удивительно воспроизводил те черты, которых мы не замечали, но которые были чрезвычайно характерны. Он был превосходный актер. Если бы он поступил на сцену, он был бы Щепкиным" [32].

Особенно поразил Гоголь своих товарищей по Гимназии в роли Простаковой в пьесе Д. Фонвизина "Недоросль". Участник этого спектакля К. Базили позже вспоминал: "Удачнее всего давалась у нас комедия Фонвизина "Недоросль". Видал я эту пьесу в Москве и в Петербурге, но сохранил всегда то убеждение, что ни одной актрисе не удавалась роль Простаковой так хорошо, как играл эту роль шестнадцатилетний Гоголь" [33]. Ему особо удавались роли в комедиях. Он с успехом играл Василису в пьесе И. Крылова "Урок дочкам". Актерский талант Гоголя был большой.

Преподаватель латинского языка И. Кулжинский вспоминал: "Живо я помню представление Митрофанушки-Недоросля на гимназическом театре. Гоголь играл Еремеевну [Простакову – Г.С.]; хохотали до слез, и не подозревали, что эта Еремеевна [Простакова – Г.С.] уже, может быть, обдумывала своего "Ревизора" [34].

Мастерство Гоголя, начинающего актера, состояло и в том, что он мог даже самую маленькую роль сделать заметной. В этом нас убеждают воспоминания современников о сыгранных Гоголем ролях.

Именно в Нежине, как нам кажется, шлифовалось то великое мастерство, на которое, обратил внимание В. Любич-Романович, никогда не симпатизировавший Гоголю, особенно в юные годы, когда позже наблюдал за превосходным авторским чтением "Ревизора". "На сцене "Ревизор" шел менее характерно в своих тонах и репликах и слушался не так интересно, как в чтении самого Гоголя... У Гоголя все это было слышно в чтении "Ревизора", все герои его пьесы ходили живыми перед нами, а не говорящими манекенами, как-то было видно на сцене... Замечательное чтение своих драматических произведений Гоголем на голоса давало слушателю его полное представление о том, что он слушает целую гармонию жизни в лице многих, различных между собою классов, ведущих общественную беседу... Словом, Гоголь был артистом в прямом значении этого слова..." [35].

Да, действительно, это был театр одного актера. И это иногда проявлялось и в Нежине, когда Гоголь рассказывал какие-нибудь истории, а также в его письмах к Г. И. Высоцкому и другим адресатам.

Гоголь на сцене гимназического театра сыграл немало ролей: Репейкина в "Хлопотунье", Досажаева в "Лукавине". Обе роли были

характерно комического плана. Хвалили Гоголя и за роль Креона в трагедии Озерова "Эдип в Афинах".

Кроме Гоголя в подготовке спектаклей принимали участие и другие гимназисты. А. Данилевский, имевший привлекательную внешность, играл обычно женские роли. В пьесе "Эдип в Афинах" Базили играл Эдипа, а Данилевский – Антигону, а в "Фингале" – Моину. Как свидетельствуют современники, А. Данилевский не отличался актерскими способностями, его больше выручала внешность. Хорошо играл Н. Кукольник Митрофанушку в пьесе Д. Фонвизина "Недоросль". "В "Недоросле" Гоголь и Кукольник, – вспоминал А. Данилевский, – приводили в восторг публику действительно блестящим исполнением: первый отличался в роли Простаковой, тогда как последний превосходно играл Митрофана. В этих ролях оба, по единодушному признанию всех, кто их видел на сцене, были неподражаемы", а также в других пьесах. "Когда он [Кукольник – Г.С.] исполнял последнюю сцену трагедии Сумарокова "Дмитрий Самозванец", он, после эффектно произнесенных заключительных слов, падал на пол, как труп, чем производил сильное впечатление; он изумлял также публику патетическим исполнением заглавной роли в "Фингале" Озерова" [36].

В числе актеров, исполнявших женские роли, был и А. Бородин. В комедии Д. Фонвизина "Недоросль" он играл Софью, а К. Базили – Стародума. В пьесе И. Крылова "Урок дочкам" А. Бородин играл роль одной из дочерей Лукерьи Ивановны.

Активное участие в подготовке спектаклей принимал и Н. Прокопович. Эта страсть к театру чуть-чуть не стала для него, как и для Н. Гоголя, делом всей жизни. "Прокопович, подобно своему знаменитому другу, задумал поступить на сцену. С этой целью он стал посещать театральное училище – дело уже доходило до того, что он являлся на сцене в незначительных ролях вестников или, так называемых, предводителей свиты Фортимбраса" [37]. Некоторые обстоятельства помешали Н. Прокоповичу остаться на сцене, и он посвятил свою жизнь педагогической работе.

Следует сказать несколько слов о музыкальном оформлении спектаклей. Напомним строки из письма, где Гоголь рассказывает об успешных театральных представлениях: "Музыка тоже состояла из наших: восемнадцать увертюр Россини, Вебера и других были разыграны превосходно" [Т. X, с. 83]. А в письме к Г. Высоцкому читаем: "Музыка также отличилась; наших было 10 человек, но они приятно заменили большой оркестр и были устроены в самом выгодном, в громком месте. Разыграли четыре увертюры Россини, 2 Моцарта, одну Вебера, одну сочинения Севрюгина и других".

Н. Кукольник также обращал на это внимание, когда вспоминал о театральных постановках: "Не могу не сказать и о нашем оркестре. Под руководством учителя музыки и пения г. Севрюгина, при Иване Семеновиче, образовался не только певческий, как уже сказано, хор, но и небольшой струнный оркестр, очень опрятно разыгрывавший увертюры: "Les Deux Avengles", "Dame Blanche", "Дон Жуан", "Волшебная флейта", и сопровождавший весьма исправно пение действующих на сцене лиц... Мы достигли до того, что однажды решились дать концерт, и дали, и невзыскательная публика осталась довольна... И музыка наша впоследствии, не пригретая, не приголубленная, расплзлась, а наконец и совершенно умерла, как догадываемся из официальных актов, из коих видно, что в последствии даже место учителя музыки было упразднено, и восстановлено уже в 1842 году" [38].

Подготовка спектаклей, особенно в последний год учебы, сближала гимназистов, способствовала укреплению их дружбы.

Как свидетельствует Гоголь в письмах домой, а также К. М. Базили в своих воспоминаниях, на спектакли приезжали и приходили как из города, так и из соседних помещичьих усадеб. "Зрителями были, кроме наших наставников, – пишет К. М. Базили, – соседние помещики и военные расположенной в Нежине дивизии. В их числе помню генералов: Дибича (брата фельдмаршала), Столыпина, Эммануэля. Все были в восторге от наших представлений, которые одушевляли мертвенный уездный городок" [39].

В отношении театра в учебных заведениях и о посещении студентами театральных представлений царь Александр I дал строгие указания. Так, в ответ на письмо попечителю Дерптского университета о том, что театр имеет пагубное влияние на студентов, царь в указе от 6 июля 1804 года запретил представления не только в университете, но и в городе Дерпте [40].

Осенью 1824 года в Харьковском театре произошли беспорядки с участием студентов университета, и царь своим указом от 4 ноября 1824 года запретил студентам посещать театр [41].

Реакционно настроенные преподаватели Нежинской гимназии профессор политических наук М. В. Билевич, профессор русской словесности П. И. Никольский, законоучитель П. И. Волынский также выступили против театральных постановок, обвинив профессора римского права и инспектора пансиона Н. Г. Белоусова в том, что он способствует развитию в гимназии театра.

М. В. Билевич в рапорте конференции от 29 января 1827 года доносил, что столяры готовят для театра кулисы и другое оборудование, а членам конференции не известно, имеется ли разрешение

на это высшего начальства. Он заявил, что не будет нести никакой ответственности за театральные постановки. Исполняющий обязанности директора гимназии проф. К. В. Шапалинский ему ответил, что имеется разрешение от 28 декабря 1826 года. Но в это же время не унимался профессор П. И. Никольский. 16 апреля 1827 года он направил конференции рапорт, заявив, что "публичный театр гимназии без строгого рассмотрения и отбора пьес вместо пользы может принести только вред" [42]. П. И. Никольский констатировал, что пьесы ставились уже шесть раз, спектакли посещали многие зрители. Особенно взволновало профессора то обстоятельство, что пьесы идут с чьими-то, неизвестно кому принадлежащими изменениями и дополнениями. Однако большинство членов конференции положительно отозвалось о театре и не считало возможным его запрещать.

Отношение М. В. Билевича к театру стало известно гимназистам, и это приводило к стычкам с ним. Особенно острой она была 26 сентября 1827 года. Поводом к этому было то, что гимназисты, которые находились в помещении театра, не пустили туда Билевича. Он начал ругать их грубыми словами. К. В. Шапалинский созвал экстренное заседание конференции, на котором заслушали М. В. Билевича, а также учителя греческого языка Х. Н. Иеропеса и экзекутора С. И. Шишкина, которые были свидетелями конфликта. Дали свои объяснения пансионеры Гоголь, Марков, Андрей и Тимофей Пащенко, Гютен, некоторых из них М. В. Билевич обвинил в нетрезвом состоянии. Врач обследовал и дал заключение в несоответствии обвинений. Гимназисты были оправданы, а Билевич предупрежден за грубость и клевету [43]. Однако, исполняющий обязанности директора гимназии К. В. Шапалинский 16 апреля 1827 года принял решение временно приостановить студенческие спектакли.

Эпизоды театральной деятельности гимназистов воспроизведены нами не случайно. И не только потому, что театр Нежинской гимназии высших наук должен занять определенное место в истории театрального искусства, а и потому, что гимназические представления развивали вкус и любовь к драматургии, литературе. Это был еще один толчок к литературной деятельности, развитию драматических наклонностей гимназистов. По свидетельству Т. Г. Пащенко, Н. Гоголь вместе с Н. Прокоповичем сочинили пьесу из малороссийского быта. Здесь следует также вспомнить и стихотворную трагедию Н. Гоголя "Разбойники". В области драматургии пробует свои силы Н. Кукольник. К этому времени относятся его трагедия "Мария", которая в "деле о вольнодумстве" значится как "возмутительная" (т. е. призывающая к возмущению) и драма "Торк-

вато Тассо". Школьный театр сыграл свою положительную роль и в жизни Е. Гребенки, который в 1827 году сочинил дошедшую до нас пьесу "Не в свои сани не садись".

Может быть, эти первые драматические пробы и остались бы только свидетельством времени, определенным фактом жизни Гимназии, если бы не последующая активная работа, особенно Н. Гоголя и Н. Кукольника, в области драматургии. Нежинская школа сыграла здесь свою значительную роль в развитии литературных способностей гимназистов, в формировании их эстетических вкусов.

Третья проблема, которая поднимается Гоголем в письмах к Г. Высоцкому, касалась творческой деятельности. Она была затронута им в связи с выходом книги преподавателя латинского языка в Гимназии И. Кулжинского "Малороссийская деревня". "Теперь у нас происходят забавные истории и анекдоты с Иваном Григорьевичем Кулжинским. Он теперь напечатал свое сочинение под названием "Малороссийская деревня". Этот литературный урод причиною всех его бедствий: когда он только проходит через класс, тотчас ему читают отрывки из "Малороссийской деревни", и почтенный князь бесится, сколько есть духу; когда он бывает в театре, то кто-нибудь из наших объявляет громогласно о представлении новой пьесы; ее заглавие: "Малороссийская деревня или Закон дуракам" не писан, комедия-водевиль. Несколько раз прибегая к покровительству и защите конференции и, наконец, видя, что его жалобы худо чествуют, решился унижительно и смиренно просить нашей милости не рушить стихотворное его спокойствие и не срамить печатный бред его" [Т. X, с. 88].

Иван Григорьевич Кулжинский (14.04.1803–26.03.1884), учитель латинского языка в Гимназии в 1825–1829 годах, обучал Н. Гоголя, Н. Кукольника, Е. Гребинку и других гимназистов. Увлекался литературным творчеством. Он издал большое количество стихотворных произведений, повестей, романов, пьес, публицистики [44].

Однако его произведения не пользовались успехом у читателей и были забыты еще при жизни их автора.

Первым его прозаическим произведением была повесть "Малороссийская деревня", которая опубликована в Москве в 1827 году. Это произведение носит этнографический характер, о чем свидетельствует само содержание: Вместо предисловия. Весна в Малороссии. Обжинки. Вечерницы. О малороссийской поэзии. Малороссийской песни. Изъяснение малороссийских слов, находящихся в сей книге [45]. Автор обрабатывает здесь литературными средствами и обычаи, нравы, словесные выражения украинского народа, вводит

в текст песни, соответствующему временному периоду. Здесь отсутствует занимательная сюжетная основа. И. Кулжинский использует в повести романтический этнографизм и сентиментальную чувствительность [46]. Гоголь и его друзья по Гимназии в это время уже увлекались произведениями А. Пушкина, В. Жуковского и других поэтов романтиков мировой литературы. Поэтому произведение И. Кулжинского не было положительно оценено. Гоголю просто оно не понравилось. Написанная в высоком стиле книга давала только некоторое представление о нравах, обычаях малороссийской деревни. Слишком идиллично изобразил автор жизнь крестьян. И. Кулжинский шел здесь вслед за П. Шаликовым и его "Путешествием в Малороссию" (1803). Кстати, сам П. Шаликов положительно отнесся к "Малороссийской деревне".

Нежинский проф. М. Сперанский, который детально анализировал наследие И. Кулжинского, считая, что Гоголь "произнес сгоряча свой суд не только над книгой, но и ее автором" [47].

Конечно, оценка Гоголя повести носила эмоциональный характер, в ней было больше шалостьливого отношения, стремления пошутить, поиграть остротами, как он делал над произведениями своих товарищей. За этим внешним неприятием скрывался и интерес самого Гоголя, который увлекался тем же, что и И. Кулжинский в повести. Он бывал на нежинских ярмарках, встречался с лирниками и бандуристами, прислушивался к говорливой толпе крестьян и торговцев, впитывал в себя острые выразительные словесные сочетания, песни и припевки, присказки и яркие выражения и записывал их в свою "Книгу всякой всячины, или Подручная энциклопедия".

Гоголь любил бывать среди простых людей, особенно в близком к Гимназии районе Магерки. Почему-то у некоторых исследователей жизни Гоголя сложилось необъективное отношение к Магеркам, которые воспринимают их только как место для интимных походов гимназистов. На самом деле, это был район Нежина, заселенный козаками и мастеровыми, которые сохраняли интересные местные традиции, легенды, поверья, и тужливые песни. Поэтому Гоголь любил здесь бывать на свадьбах, крестинах и других увеселительных торжествах. "Когда у кого из них бывала свадьба или другое что или когда просто выдавался погодный праздничный день, то Гоголь уже непременно был там", – вспоминал нежинец А. Артынов [48].

Нежинские базары и ярмарки, встречи здесь с их разнообразными участниками, а также взаимоотношения с жителями Магерок – все это обогащало будущего писателя, помогало ему глубже познать

народные характеры и воспроизвести их в будущем в своих "Вечерах на хуторе близ Диканьки" и "Миргороде". Это был его первый опыт собирания того, что создано народом. В "Книге всякой всячины, или Подручной энциклопедии", которую Н. Гоголь начал вести в Нежине в 1826 году и которая представляет собой тетрадь из 490 страниц голубой бумаги в кожаном переплете, поданы всевозможные сведения, интересовавшие будущего писателя. Здесь находим и выписку из "Малороссийской деревни" И. Кулжинского [Т. X, с. 655–656]. Наподобие малороссийского словаря в повести Гоголь сделал подобное и в сборнике "Вечера на хуторе близ Диканьки".

Исследователи указывают, что составлением украинско-русского словаря занимался и отец Гоголя. Очевидно, эти два источника и способствовали увлечению юного Гоголя, который подбирал украинские слова с их русским переводом ко всем буквам алфавита. Работа Гоголя свидетельствовала о хорошем знании им двух языков – украинского и русского. В некоторых разделах "Книги..." описаны "игры и увеселения малороссиян", "разные малороссийские имена, даваемые при крещении", "малороссийские песни", "малороссийские загадки", "малороссийские предания, обычаи, обряды", "малороссийские блюда и кушанья". В "Книге всякой всячины..." помещены и тексты народных песен с этнографическими комментариями. Интересные объяснения дает Гоголь русалочным песням, записывает свадебный обряд. Немало здесь материалов, почерпнутых в Нежине. Эта "Подручная энциклопедия", своеобразная кладовая народного творчества, на первом этапе деятельности была Гоголю хорошим подспорьем для создания запоминающихся повестей и их образов, вошедших в первый сборник "Вечеров".

Шаловливая, несколько озорная оценка Гоголем и его товарищами по Гимназии повести И. Кулжинского была связана с той общей творческой атмосферой, которая существовала среди группы учащейся молодежи, и самим характером будущего автора "Вечеров...". Ведь и сам стиль письма Гоголя этого времени (даже в его письмах) необычен. Каждая фраза обрастает какими-то намеками, сатирико-юмористическим подтекстом. Здесь заметно сочетание разных стилей – высокого, когда он говорит о своих мечтах о будущем, успехах на театральной сцене, и низкого, когда Гоголь останавливается на каких-то мелочных деталях повседневной жизни: о товарных сделках, о пьяных выходках и драках греков, о свадьбах преподавателей, о большом урожае фруктов, о невероятной жаре и о пошиве себе фрака. Здесь наличествует все, что находим в любом остроумном, юмористическом произведении с

удивительно чудным перечислением имен тех, кто из Нежина приветствует любезного друга.

Если говорить о литературной деятельности Гоголя, то она тесно связана с романтизмом, с воспеванием исторического прошлого и низким барокко. О первом свидетельствуют его баллады "Две рыбки", "Новоселье", элегия "Непогода", поэма "Россия под игом татар", трагедия "Разбойники", славянская повесть "Братья Твердиславичи". В этом же направлении трудились и другие гимназисты Нестор Кукольник, Василий Любич-Романович, Николай Билевич, Николай Прокопович, Андрей Бородин, Михаил Риттер, Стефан Гютен, Евгений Гребенка и др.

Однако Гоголь в это время тяготел к юмору и сатире.

Он писал эпиграммы, юмористические посвящения, наделяя своих героев прозвищами "Растрига Спиридон", "Вралкин", "Гицель – морда пороссячьа", "Почтенный князь" и др. С. Глебов со слов Любича-Романовича, отмечал, что в изданном Гоголем альманахе "Парнасский навоз" "помещались произведения пера всех желавших в стихотворной форме отличиться своим юмором... его сатира была неистощима потому, что она бралась им прямо из жизни, из той именно среды, из которой он вышел сам... но у других учеников лицея, по преимуществу аристократов, не знавших жизни вообще, выходило все бледно, не сочно, мало юмористично, и это роняло их во мнении Гоголя, и он смеялся над ними в своей сатире еще ядовитее, острее и образнее. В юмористическом смысле "Навоз Парнасский" имел большой успех среди читателей, и каждый выход его ожидался учениками лицея с большим любопытством" [49].

"Особенно много смеялись над юмором Гоголя, – дотоле нам совсем неизвестным, – добавляет В. Любич-Романович, – так как никому из нас, жителей столиц и городов вообще, не было понятным то, в чем именно заключалась главным образом жизнь русского народа, пребывавшего на русской Украине, какою была Малороссия. Но Гоголь ввел нас в нее своими описаниями быта полтавских однодворцев и украинских козаков.

Красота его языка обнаруживалась перед нами не в изящной форме литературного творчества, которого не было у него в то время, но в образности речи, перемешанной русскими словами с малорусскими. Над этой-то смесью двух наречий, нам неизвестных дотоле в отечественной литературе, мы и смеялись до упаду..." [50].

О тяготении Гоголя к юмористическим, сатирическим зарисовкам свидетельствуют не только литературные произведения, но

и его письма, отосланные не только Г. Высоцкому, но и другим адресатам из Нежина.

Перечитывая письма Гоголя к Г. Высоцкому, чувствуешь, что их не должно быть всего три (два из них от 17 января 1827 года и 26 июня 1827 года) опубликовал П. Кулиш в своих "Записках о жизни Николая Васильевича Гоголя..." [51], а одно от 19 марта 1827 года – С. Мачухин [52] и перепечатал без указания на первого П. Владимиров [53]. Клятва о дружбе, мечта о совместной работе в Петербурге, теплота и искренность взаимоотношений дают право думать, что писем было все-таки больше. Не мог же Гоголь так резко оборвать свою связь с другом. Должны быть кроме писем и какие-то записки. П. Кулиш все же как-то небрежно отнесся к воспоминаниям Герасима Высоцкого и его бумагам, которые ему он передал. При публикации писем сокращал некоторые места, выбрасывал фамилии и т. п.

П. Кулиш встречался с Г. Высоцким и, очевидно, записал его воспоминания. В книге "Гимназия высших наук и лицей кн. Безбородко" (СПб., 1881) он утверждал: "По рассказу Высоцкого соученика Гоголя, и друга первой его юности...". Эти же слова находим и в "Записках о жизни Николая Васильевича Гоголя" (с. 24). Но где эти рассказы? А они раскрыли бы причину письменного разрыва общения с Г. Высоцким. А может и не было никакого разрыва. Просто друзья не встретились, ибо Г. Высоцкий завершил работу в Департаменте разных податей и сборов 19 марта 1828 года и уехал из столицы, а Гоголь направился на службу в С.-Петербург 13 декабря 1828 года Таким образом и не сбылись их общие мечты юности поработать вместе на благо Отечества.

П. Кулиш сообщает также о том, что Гоголь выписал у Г. Высоцкого из Петербурга свою повесть "Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан". Рассказав о том, как Гоголь писал сатирические стихи на своих товарищей по гимназии, в частности об акростихе "Спиридон", П. Кулиш пишет: "Вскоре за тем (рассказывает г. Высоцкий) Гоголь написал сатиру на жителей города Нежина под заглавием "Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан", и изобразил в ней типические лица разных сословий" [54].

И далее П. Кулиш сообщает: "Г. Высоцкий имел копию этого довольно обширного сочинения, списанную с автографа; но Гоголь, находясь еще в Гимназии, выписал ее от него из Петербурга, под предлогом, будто бы потерял подлинник, и уже не возвратил [55].

Этот источник дает право думать, что было какое-то письмо или записка, в которых излагалась соответствующая просьба Гоголя. Но ее П. Кулиш по какой-то причине не обнаружил.

Повесть "Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан", которую постоянно называли в литературе о писателе, никогда она не подвергалась исследованию. И это не случайно, ибо кроме названия да наименования её пяти глав, известных по воспоминаниям Герасима Высоцкого, никаких других следов нет. И все же постараемся в дальнейшем определить историко-бытовую основу этого произведения, чтобы предугадать, какие факты заинтересовали юного писателя из жизни Нежина.

Любопытно само наименование произведения. Оно сделано в традициях литературы конца XVIII – начала XIX века. Вспомним произведение Ф. Глинки "Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия" (1819), В. Нарезного "Два Ивана, или Страсть к тяжбам" (1825), а также шуточное наименование Гоголем повести И. Кулжинского "Малороссийская деревня, или Дуракам закон не писан" и т. д. Гоголь в название своего произведения вкладывал определенный смысл. Первая часть его, хотя и носит конкретный характер, ибо касается города Нежина, в то же время выражает некоторую неопределенность, ибо в повести речь будет идти, согласно заглавию, лишь о каких-то частностях ("нечто"). Именно это и заинтриговывает читателя: "А что же собой представляет это "нечто"? Вторая часть заглавия, хотя в какой-то степени конкретизирует первую, ибо это "нечто" связано с несерьезными действиями, поступками обитателей города, все же эта часть заглавия носит обобщающий характер по типу пословиц "Что с дурака возьмешь?", "Заставь дурака Богу молиться, он и лоб разобьет" и т. д.

Таким образом, уже само наименование произведения настраивает читателя на комический характер его повествовательной части. Эту мысль подтверждает и творческая судьба произведения.

Установлено, что более тесные отношения Гоголя с Г. Высоцким, очевидно, относятся к 1825 году. После смерти отца Гоголь начал несколько по-другому оценивать и себя и свою ответственность за мать и сестер. Г. Высоцкий был старше и опытнее, глубже смотрел на жизнь, и Гоголь потянулся к нему. И эта близость постепенно становилась все теснее и откровеннее. "Мы вместе обдумывали планы на будущее нашей жизни", – признается Гоголь "Я совсем переменялся", – пишет он матери [Т. X, с. 59], "можно сказать, обработал-таки свои понятия, которые сделались гораздо пронизательнее, дальновиднее" [Т. X, с. 59].

Четче у Гоголя определяется перспектива "В те годы, когда я стал задумываться о моем будущем (а задумываться о будущем я начал рано, в те поры, когда все мои сверстники думали еще об

играх), мысль о писательстве мне никогда не всходила на ум, хотя мне всегда казалось, что я сделаюсь человеком известным, что меня ожидает просторный круг действий, и что я сделаю что-то для общего добра. Я думал просто, что я выслужусь, и все это доставит служба государственная. От этого страсть служить была у меня в юности очень сильна: она пребывала неотлучно в моей голове, впереди всех моих дел и занятий. Первые мои опыты, первые упражнения в сочинениях, к которым я получил навык в последнее время пребывания моего в школе, были почти все в лирическом и серьезном роде" [56].

В этой гоголевской записке повторяются мысли, которые мы встречали в письмах к Г. Высоцкому о будущем. Но здесь уже проявляются и размышления о необычности судьбы Гоголя, о мессианской миссии его жизни, направленной на свершение добра для человека.

Если говорить о начале литературного творчества, то оно, действительно, как мы указывали выше, шло в русле тех упражнений, которые выполняли все студенты на занятиях у профессора П. Никольского по русской словесности, когда требовалось самостоятельное написание оригинальных произведений изучаемого в аудитории жанра. Так постепенно накапливалось немало индивидуальных образцов стихотворений. Именно этим объясняется наличие поэзий одного и того же жанра у разных авторов. Свои литературные образцы демонстрировали Николай Гоголь, Нестор Кукольник, Василий Любич-Романович, Николай Билевич, Николай Прокопович, Андрей Бородин, Михаил Риттер, Стефан Гютен, Евгений Гребенка, Александр Данилевский и др. Преобладали элегии, баллады, послания, поэмы. Все это собиралось в рукописные журналы и альманахи, которые выпускал Гоголь со своими друзьями. Это приносило ему большое удовольствие. Конечно же, сочиняли юные поэты не только по заданию профессора, но и для себя.

Гоголь был бы не искренен, если бы в своей записке не вспомнил и о своем пристрастии к сатире и юмору. "Ни я сам, ни сотоварищи мои, упражнявшиеся также вместе со мной в сочинениях, не думали, что мне придется быть писателем комическим и сатирическим, хотя, несмотря на мой меланхолический от природы характер, на меня часто находила охота шутить и даже надоедать другим моими шутками; хотя в самих ранних сужденьях моих о людях находили уменье замечать те особенности, которые ускользают от вниманья других людей как крупные, так мелкие и смешные. Говорили, что я умею не то что передразнить, но угадать человека, то есть угадать,

что он должен в таких и таких случаях сказать, с удержаньем самого склада и образа его мыслей и речей. Но всё это не переносилось на бумагу, и я даже вовсе не думал о том, что сделаю со временем из этого употребление" [57].

Свою повесть Гоголь написал до отъезда из Нежина его друга Герасима Высоцкого, который закончил Гимназию высших наук в июне 1826 года и которому юный литератор подарил свое произведение. Таким образом оно попало в Петербург.

Второй экземпляр остался у Гоголя в Нежине. О существовании повести каким-то образом узнали греческие купцы, о которых шла речь в произведении. Гоголь настолько верно передал характеры греков, что многие указывали на реально существующих прототипов. Это возмутило купцов. И, как гласит нежинская легенда, их делегация явилась с подарками к директору Гимназии И. С. Орлаю с просьбой выдать им сочинителя. Подарков И. С. Орлай не принял, но пообещал разобраться. Вызвал автора повести и заставил его уничтожить свой опус. Гоголь не мог послушаться директора, которого глубоко уважал. Он решил выписать и тот экземпляр повести, который находился у Г. Высоцкого под предлогом, будто бы потерял подлинник, и больше уже ему не возвратил [58]. Так погибло первое значительное сатирическое произведение молодого писателя.

Известно, что в этот период своей жизни Гоголь увлекался сочинением сатирических стихов, в которых в юмористических или саркастических тонах раскрывал черты своих товарищей, чиновников Гимназии, на что указывает А. Данилевский и сам Гоголь в "Авторской исповеди".

Подобного типа произведение по-настоящему мог оценить лишь Г. Высоцкий, такой же шутник и балагур, как Гоголь, подвергавший не одного из гимназистов сатирическими колким характеристикам. "Мы в то время смотрели на литературу, – заявлял его однокурсник В. Любич-Романович, – как на творчество высшей среды. А Гоголь занялся какими-то Коробочками, Ноздревыми и Дмухановскими-Сквозниками... Это-то и отталкивало нас от него" [59]. С этих же позиций товарищи Гоголя по Гимназии оценивали и его ранние сатирические произведения. Пошутили, побалагурили – и большего значения стихам и зарисовкам Гоголя не отводили. На самом же деле именно в Нежине у Гоголя зарождается новый сатирический подход к изображению действительности в реалистическом преломлении.

Воспоминания Г. Высоцкого в изложении П. Кулиша дают возможность узнать не только наименование произведения, но и его составные части. Их пять:

"Освящение церкви на греческом кладбище".

"Выборы в греческий магистрат".

"Всеядная ярмарка".

"Обед у предводителя П****".

"Роспуск и съезд студентов".

Уже сами названия глав предопределяют основное направление размышлений Гоголя, высвечивают предмет, вокруг которого будет разворачиваться действие. Гоголь, как указывает Г. Высоцкий, взял несколько торжественных случаев, при которых то или иное сословие наиболее выказывало характерные черты свои и по этим случаям разделил свое сочинение на вышеуказанные отделы.

Попытаемся условно окунуться в мир жизни нежинских обитателей и восстановить факты, которые могли бы лечь в основу каждой главы произведения, то есть воскресить историко-бытовую основу гоголевской повести.

Итак, первая глава повести носит наименование "Освящение церкви на греческом кладбище".

Известно, что первые греки поселились в Нежине в конце XVII века. С каждым годом их колония разрасталась и в начале XIX ст. достигла 1800 человек. На окраине города в северной ее части рядом с общегородским Троицким находилось Греческое кладбище, на котором стояла небольшая кладбищенская деревянная церковь.

В начале XIX ст. известные греческие купцы-меценаты братья Анастасий и Николай Зосимы решили на ее месте построить каменный храм "Святых равноапостольных Константина и Елены" с такою же при ней колокольню. Они получили благословение архипастыря Черниговского и Нежинского. Однако 14 января 1819 г. Анастасий Павлович умер и был похоронен возле недостроенной церкви.

Его брат Николай продолжил строительство, которое и было завершено в 1822 году и освящено при стечении большого количества людей [60].

Нежинская молва гласит, что во время этого важного события проявилось социальное неравенство. Те греки, которые победнее, пришли к месту торжества раньше, чем богатые купцы. Последние не могли согласиться с тем, что они оказались в задних рядах, и начали пробираться вперед. Произошла давка, послышалась ругань, дошло до кулачных боев. Святое дело потеряло всю святость.

Свидетелем всего этого и мог быть Гоголь, если допустить, что гимназисты, и среди них ученик 3 класса 13-летний Николай Гоголь, присутствовали на торжественном акте. Мог быть Гоголь на этом торжестве и самостоятельно, так как по воскресеньям гимназистов

отпускали в город. И в одном и в другом случае он мог быть действительно свидетелем всего того, что происходило возле храма, и надолго запомнил яркие сцены столкновений греков и при возникшей необходимости воспроизвести эти события в своей повести, создать яркие, колоритные образы их участников.

Возвратиться к этому эпизоду могли вынудить Гоголя и события более позднего времени, когда он обратился к описанию жизни греков во второй главе повести, которая называлась "Выборы в греческий магистрат".

Нежинские греки, начиная с XVIII века, играли важную роль как в торговой, промышленно-ремесленной, так и культурной жизни города. Гетманы Украины, а затем и русские цари предоставляли им особые привилегии. Греки были независимы от нежинской городской власти, а поэтому имели свой магистрат, суд, храмы, школы. В 1785 году Екатерина II подтвердила нежинским грекам все ранее пожалованные грамоты, переименовав только название суда братства в Нежинский греческий магистрат. Бывшие судьи были названы бургомистрами и ратманами. 29 декабря 1801 года Александр I своей грамотой подтвердил права нежинских греков.

Нежинский греческий магистрат осуществлял административные и судебные функции. Во главе его стоял бургомистр, один из самых авторитетных членов греческого братства. Таким, например, был Стефан Кириллович Буфа, который инициировал в 1810 году открытие в Нежине Александровского греческого училища, собрав для этого 24571 рубль серебром. Деньги дали греческие купцы Москвы, С.-Петербурга, Одессы, Нежина. В 1811 году эту сумму положили в "Сохранную казну" на вечные времена. Проценты с этого капитала нежинский греческий магистрат должен был использовать только на функционирование училища. С. К. Буфа поддержал братьев Зосимов в строительстве храма и т.д. Кроме того, он собрал довольно большую училищную библиотеку.

Жизнь греков была непростой. В их среде постоянно возникали какие-нибудь столкновения, дискуссии. Так, в 1822 году разгорелась острая дискуссия вокруг учителя греческого языка в училище Х. Н. Иеропеса, которого пригласили из Греции для обучения детей родному языку. Директор Гимназии высших наук И. С. Орлай предложил Х. Н. Иеропесу читать греческий язык и для гимназистов, на что получил согласие. Об этом узнали нежинские греки и вознегодовали, потребовав бургомистра, одновременно исполнявшего должность директора Александровского греческого училища, чтобы тот запретил учителю работать в двух учреждениях, так как он

принял новую должность "без их ведома и согласия", Из греческого магистрата последовало немало бумаг в адрес И. С. Орлая, на которые тот не обращал особого внимания. В трудном положении оказался и директор училища Прихов, который занял эту должность 23 марта 1822 года. Он доказывал законность акции, которую не хотели признавать нежинские греки, требуя от Прихова лишить Х. Н. Иеропеса должности и квартиры в училище. Обстановка накалилась так, что директор училища направил в магистрат запечатанный пакет с требованием вскрыть его на полном собрании общества. В своем заявлении он утверждал, что согласился на должность директора училища лишь по усиленным просьбам общества. Но теперь, видя невозможность "продолжить службу в надлежащем виде, не уклоняясь от истины", отказывается от должности. Вместо того, чтобы Иеропесу объявить благодарность за то, что он обучает детей наших братьев, погибших в нынешнюю патриотическую войну, которые были приняты в Гимназию по воле Государя Императора на содержание графа Кушелева-Безбородко, Греческая община неоправданно накаливает обстановку. Эти аргументы Прихова не имели на греков никакого воздействия. Магистрат потребовал его к ответу. И эту надуманную проблему смог решить только попечитель Харьковского учебного округа, который разрешил Х. Н. Иеропесу работать в двух учебных заведениях. Этот факт свидетельствует о мелочности требований членов магистрата, непонимании общественной значимости дела, какое-то упрямство и ограниченность. Подобное проявилось и в отношении Николая Зосима, который много сделал для утверждения греческой общины как меценат. Но магистрат решил выселить его из общественного дома, который он занимал, что нанесло ему сильную нравственную обиду.

Можно приводить много различных примеров, которые выходили за пределы общины и становились известными жителям города, в том числе и гимназистам. Среди знакомых Гоголя было немало греков.

Выборы в греческий магистрат были довольно сложным явлением. В 20-е годы XIX века греческая община жила на подъеме национально-патриотических чувств, так как в 1821 году в Греции началось восстание против османских захватчиков. Его организационной подготовкой занимались члены тайного общества греческих патриотов "Филики Этерия", которые базировались в Одессе. Здесь же поселилось и значительное количество греческих семей после разгрома восстания. В этот момент и было принято решение направить некоторых ребят учиться в Нежин.

Была еще одна важная проблема. В конце XVIII – начале XIX века в связи с открытием портов на Азовском и Черном морях сюда передвигалась и торговля. Греческие купцы переселялись на Юг, при этом оставаясь членами нежинского братства, так как не хотели терять свои льготы, предусмотренные им с давних времен. Их приглашали на выборы магистрата, но войти в его состав они постоянно отказывались.

Магистрат был полноправным хозяином денег, которые шли от процентов капитала, внесенных богатыми греками на нужды братства. Кроме того, в кассу магистрата поступали пожертвования, которые делали греческие купцы, и "посредством этого небольшого ежегодного взноса они освобождались от всякой общественной службы и неизбежных с нею обязанностей" [61].

О характере использования денег не знала община, так как по греческим традициям никто расписок не давал. Поэтому было много нареканий. Да и суммы расходов, которые фиксировались в журнале, вызывали сомнения, например, дано 157 рублей нежинскому городничему за внимание к братству или истрачено большую сумму (и указано ее) на помощь бедным, на греческое училище и т. п. Были случаи явных злоупотреблений. Это вызывало недовольство в среде греков.

Непростыми были взаимоотношения и с нежинской властью, в связи с тем, что греки пользовались особыми льготами и привилегиями, не платили налогов, хотя торговали по всей стране. Это раздражало местных обывателей, купцов других национальностей. Греческий суд в своей практической деятельности руководствовался не общегосударственными российскими законами, а своим сборником законов Арменопуло. Пройдет небольшое время, и эти вопросы будут решаться в общегосударственном масштабе не на пользу греков, что привело к упадку греческого братства в Нежине.

Но во времена пребывания Гоголя в Нежине все это существовало. Не случайно он на это указывал в письме к Г. Высоцкому от 19 марта 1827 года: "В Нежине теперь беспрестанные движения между греками, шумят, спорят в магистрате, хотят нового образа правления, в предшествующую субботу мятежные сенаторы самовольно свергнули архонта Бафу, а на его место и в сенаторское достоинство возвели до того неизвестного Афендулю. Базиль уже заключил с ним трактат и открыл греческую лавку" [Т. X, с. 86–87]. Все фамилии, которые называет Гоголь, действительно существовали [62].

Община нежинских греков обычно собиралась зимой в церкви, а летом возле храма для решения различных жизненных вопросов избирали священников и критеров церкви, членов братского суда, бурмистров, а также членов местного самоуправления – магистрата.

Как отмечают исследователи, в магистрат попадали люди необразованные, далекие от глубоких общественных проблем.

Членов магистрата избирали на три года. Гоголь был свидетелем одного из таких собраний, слышал, как соревновались в словесных выражениях греческие купцы и обыватели, обзывая друг друга сочными выражениями.

Гоголь мог быть свидетелем избрания на должность бурмистра – Бафы, которого затем сняли. Это было в 1824 году.

Третья глава гоголевской повести называлась "Всеядная ярмарка". В ней Гоголь запечатлел зимнюю ярмарку, которая проходила перед великим постом целый месяц в январе-феврале. По сравнению с двумя другими международными ярмарками – Троицкой и Покровской она отличалась тем, что в Нежин приезжали купцы с разных стран. Академик К. Харлампович, который исследовал греческую общину, писал: "На эти ярмарки приезжали купцы, украинские и великорусские с разных городов и местечек с полотном, сукном, пушниной, галантереей и другими товарами. Иностранные купцы – греки, волохи, турки, армяне – привозили турецкие и персидские товары – шелковые, шерстяные, хлопчатые ткани и ценности (камни, жемчуга, кораллы). Польские купцы появлялись с товарами гданскими и шлионскими. Обыватели украинские пригоняли скот и привозили кожи" [63]. Здесь сбывалась и сельскохозяйственная продукция.

Посещали ярмарки не только нежинцы, но и приезжие с округи, других городов, поместий. Было немало купцов, которые забирали товары большими партиями. Торги были великолепные.

На нежинских ярмарках активно работали магазины, кабаки, кофейни. В кабаках продавали не только привозные вина, но и местные напитки, водки разные – горелка, мед, пиво врознь в кварты и чары, а также всевозможные съестные продукты. "Кто охотник до ликеров, – вспоминал один путешественник, – пусть едет сюда: они превосходны; не напрасно хвалится водками Нежин; правда, что нигде таких отличных не делают" [64].

Активность на Всеядной, как и на других ярмарках, проявляли греки, которые не только торговали в магазинах, но и занимались доставкой товаров и его перепродажей большими партиями. И эта торговля на Всеядной ярмарке проходила до 1847 года, пока ее не перевели в город Ромны.

Гоголя, естественно, не столько интересовали торговые отношения, операции, товары (ибо у него никогда не было лишних денег), а само состояние ярмарки и её участники, торговцы, колоритные, интересные, богатые во всех отношениях.

Гоголь представлял ярмарку, как огромное чудовище, которое шевелится всем корпусом, "кричит, гогочет, гремит. Шум, мычание, бляение, рев – все сливается в один нестройный говор. Волы, мешки, сено, цыгане, горшки, бабы, пряники, шапки – всё ярко, пёстро, нестройно; мечется кучами и снуется перед глазами. Разноголосые речи потопляют друг друга, и ни одно слово не выхватится, не спасется от этого потопа; ни один крик не выговорится ясно. Только хлопанье по рукам торгашей слышится со всех сторон ярмарки. Ломаются воз, звенит железо, гремят сбрасываемые на землю доски и закружившаяся голова недоумевает, куда обратиться" [Т. 1, с. 18].

Эти знаменитые строки из "Сорочинской ярмарки" Гоголя дают возможность представить ярмарку во всем её объеме. Но писателя прежде всего интересуют её участники. Он из огромной ярмарочной толпы высвечивает отдельные лица: приезжего мужика, который толкался в народе, узнавая и примеряясь к ценам на пшеницу, которую привез продавать, о дегте, которого хотел взять на барыш; молодую, симпатичную, чернобровую девушку, которая первый раз на ярмарке и её занимает весь этот мир, такой веселый, знакомый и увлекательный. "Её смешил до крайности, как цыган и мужик били один другого по рукам, вскрикивая сами от боли; как пьяный жид давал бабе киселя; как поссорившиеся перекупки перекидывались бранью и раками; как москаль, приглаживая одною рукою свою козлиную бороду, другою..." [Т. 1, с. 19]. Это мир "Сорочинской ярмарки", но это могли быть и персонажи нежинской. Таков был гоголевский принцип освещения жизни ярмарки, её участников.

Соученик Гоголя по Нежинской гимназии В. Любич-Романович замечал, что Гоголь искал сближения "с людьми простыми, не претендующими на изящество манер, изысканность речи и на выбор предмета беседы". "И это, – продолжает сокурсник писателя, – очевидно, давало ему своего рода наслаждение в жизни, удовлетворяло его эстетические потребности и вызывало в нем поэтическое настроение. Так, по крайней мере, мы это замечали потому, что он после каждого такого знакомства где либо подолгу запирался в своей комнате и заносил на бумагу свои впечатления" [65].

Кто же оказался в объекте внимания юного писателя, посетившего Всеедную ярмарку, что так поразило его, что он обратился к её описанию. Трудно сказать. Но то, что это было преподнесено с

юмором, – это так, и на это мы уже обращали внимание, когда рассказывали в первой главе о Нежинских ярмарках, да об этом свидетельствует и произведение Гоголя "Сорочинская ярмарка".

Четвертая глава "Обед у предводителя П****"

Побывать на обеде у предводителя дворянства, да еще у нежинского – не каждому везло. Это было особое событие, на которое приглашались представители дворянства, а также известные лица города, то есть нежинская элита.

Нежин, хотя и был уездным городом, но по населению он превышал многие губернские города, был известен еще с XVII века как один из крупных полковых городов Левобережной Украины. Поэтому еще с XVII века в крепости Нежина располагалось военное подразделение, которым командовал генерал. В частности, в 20-е годы XIX ст. стоял Киевский драгунский полк. И это было одной из его отличительных черт.

Нежин был многонациональным городом. Кроме украинцев, русских, евреев и других представителей разных национальностей, в городе с XVII века обосновалась большая колония греков, которая, как уже отмечалось, играла важную роль в его жизни. Греческое купечество было известно далеко за пределами Украины. Нежин был и культурным центром. С 1820 года функционировала Гимназия высших наук со штатом профессоров. Были здесь уездное училище, Александровское греческое училище, богоугодное заведение, аптека, почтовая станция и т. п.

В городе действовали медно-ливарный завод братьев Черновых (с 1791 года), ткацкая фабрика Иванова и другие предприятия. Здесь обосновались на постоянное жительство те, кто уходил в отставку: крупные чиновники, военные. Как отмечают путешественники, которые на короткое время останавливались в городе, и те, кого судьба временно забросила в Нежин, нежинцы были особо гостеприимны. Бывший Владимирский губернатор, москвич князь Иван Михайлович Долгорукий дважды в 1810 и 1817 годах побывал в Нежине, познакомился с храмами, культурными достопримечательностями города, а также его обитателями. Процитированный ниже отрывок из его воспоминаний дает возможность окунуться в частную жизнь нежинцев, в их бытовую атмосферу.

"Сестра моя... старалась показать нам все здешние общества, в лучшем их виде, и познакомила нас со многими. Поутру мы принимали визиты к себе, а после обеда сами их развозили. Генерал Поль просил нас к себе обедать. Квартира его не велика и не пышна, но отменена будучи садом с деревьями, приятнее золотых

карнизов, в жаркое время дня. Он и жена его – любезные хозяева. Накормили нас очень хорошо... Ездили потом к Рубану, оставшему Действительному статскому советнику и человеку пожилому, с ним жена и внучек. Когда я служил в гвардии, он был советником в Петербургском банке. Мы вспоминали с ним красоты того века и тогдашней жизни. Посетили Клиц ... (греческого купца – Г.С.).

В будние дни здесь никакого собрания не бывает; но для нас генерал Польш пригласил многих жителей города в Безбородкин сад ["Но чего лучше для прогулки Безбородкин сад? Он всякое воскресенье открыт для публики"]. Там услышали мы полковую музыку, увидели многих офицеров, и сделалось изрядное собрание. Это привлекло многих простолюдинов; на широкой площадке под тенью (или тени уже не надобно было в вечер тихий и прекрасный), скажем лучше, под крышкой больших деревьев, открылся бал. Все мы, старые и малые, пустились танцевать. Мазурка, попури и прочие танцы заняли молодежь до сумерек, и мы не разъехались, а разошлись пешком, при лунном сиянии.

Некто полковник Краснокутской, женившийся недавно на пригожей девушке Ширковой, родственник моего зятя, пригласил нас всех к себе на чашку чаю: мы все пошли к нему маршем; он имел квартиру близко сада. Музыка следовала за нами, офицеры так же, и у него продолжался бал почти до полуночи. Он живет очень хорошо. Покои пространные, вишен и конфект нашли у него множество, и тут прекраснейшим образом кончили день, которой столько был весел. Сколько того желать позволено в Нежине. Но сии забавы не принадлежали городу: мы ими в полной мере обязаны были ласковости генеральши Польш, которая около себя умела собрать круг лучших людей в городе" [66].

Таким же, наполненным на различные события, был и следующий день, который так же подробно описывает князь И. М. Долгорукий. Познакомившись с некоторыми гостеприимными нежинцами, возвратимся к гоголевской четвертой главе, посвященной обеду у предводителя П***.

Кто скрывался под усеченной буквой П? Это мог быть Яков Семенович Прокопович, отец друга Гоголя Николая. Бывший военный, управляющий заставой пограничников, таможенник, коллежский советник 49-летний Я. С. Прокопович, выйдя в отставку, вместе с двумя сыновьями в 1820 году переехал в город Нежин на постоянное место жительства. Вскоре он был избран уездным предводителем дворянства. В 1822 году он поместил своих сыновей Николая и Василия в Гимназию высших наук вольными пансионерами, то

есть они содержались в пансионе гимназии за счет родителя, а Гоголь содержался за счет гимназии. Несмотря на то, что Гоголь был на два года старше, он очень подружился с Николаем Прокоповичем, о чем шла речь раньше.

В связи с тем, что отец Н. Прокоповича жил в Нежине, то Гоголь вместе с Николаем мог бывать в их доме и наблюдать за одним из обедов у предводителя дворянства Якова Семеновича.

Гоголь был мастером описания завтраков, обедов, балов, о чем свидетельствуют их описания в произведениях последующих лет. Чтобы подкрепить нашу мысль, приведем здесь несколько отрывков из "Мертвых душ": "... В продолжение того времени, как гости резались в вист, появилась на столе белуга, осетры, семга, икра паюсная, икра свежепросольная, селетки, севрюжки, сыры, копченые языки и балыки, – это все было со стороны рыбьего ряда. Потом появились прибавления с хозяйской стороны, изделия кухни: пирог с головизною, куда вошли хрящ и щеки девятипудового осетра, другой пирог с груздями, пряженцы, масляницы, взваренцы... Заметив, что закуска была готова, полицмейстер предложил гостям окончить вист после завтрака, и все пошли в ту комнату, откуда несшийся запах давно начинал приятным образом щекотать ноздри гостей и куда уже Собакевич давно заглядывал в дверь, наметив издали осетра, лежавшего в стороне на большом блюде. Гости, выпивши по рюмке темного оливкового цвета, какой бывает только на сибирских праздничных камнях, из которых режут на Руси печати, приступили со всех сторон с вилками к столу и стали обнаруживать, как говорится, каждый свой характер и склонности, налегая кто на икру, кто на семгу, кто на сыр" [Т. 5, с. 143].

А вот отрывок из не вошедшей в основной текст поэмы главы "Обед у полковника Кошкарева": "Ротозей Емельян и вор Антошка явились с салфетками, накрыли стол, поставили поднос с шестью графинами разноцветных настоек. Скоро вокруг подносов и графинов остановилось ожерелье тарелок со всякой подстрекающей снедью. Слуги поворачивались расторопно, беспрестанно принося что-то в закрытых тарелках, сквозь которые слышно было ворчавшее масло.

Закуске последовал обед. Здесь добродушный хозяин сделался совершенным разбойником. Чуть замечал у кого один кусок, подкладывал ему тут же другой, приговаривая: "Без пары ни человек, ни птица не могут жить на свете". У кого два – подваливал ему третий, приговаривая: "Что ж за число два? Бог любит троицу". Съедал гость три – он ему: "Где ж бывает телега на трех колесах? Кто ж строит избу о трех углах?" На четыре у него была тоже поговорка,

на пять – опять. Чичиков съел чего-то чуть ли не двенадцать ломтев и думал: "Ну, теперь ничего не приберет больше хозяин". Не тут-то было: не говоря ни слова, положил ему на тарелку хребтовую часть теленка, жаренного на вертеле, с почками, да и какого теленка!

Два года воспитывал на молоке, – сказал хозяин, – ухаживая как за сыном!

Не могу, – сказал Чичиков.

Вы попробуйте да потом скажите: не могу!

Не взойдет, нет места.

Да ведь и в церкви не было места, взошел городничий – нашлось. А была такая давка, что и яблоку негде было упасть. Вы только попробуйте: этот кусок тот же городничий.

Попробовал Чичиков – действительно, кусок был вроде городничего. Нашлось ему место, а казалось, ничего нельзя было поместить" [Т. 5, с. 408].

По этим отрывкам читатель, вошедший во вкус гоголевских описаний закусок, может себе представить обед у нежинского предводителя П***. Гоголь при этом ярко и колоритно воспроизводил тех, кто так насыщался за таким богатым, таким разнообразным обедом.

Последняя, пятая глава повести "Роспуск и съезд студентов" посвящена периоду летних каникул гимназистов, которые начинались обычно после последнего экзамена летней сессии в конце июня и длились целый месяц. 1 августа в Гимназии начинались занятия нового учебного года. Какими же были роспуск и съезд студентов в год, когда предположительно была написана повесть 1824 год. 1 июня в Гимназию прибыл почетный попечитель граф. А. Г. Кушелев-Безбородко. Незадолго до каникул 13 июня Гоголь сообщал родителям, что господа Баранов и Данилевский вместе с ним с нетерпением ожидают отъезда домой. "Я вам писал о приятном путешествии, которое мы скоро предпримем; о радостном нашем свидании; о удовольствиях, которые я буду внушать. Разве это такой мелочный предмет, который должно оставить без внимания? Верьте, любезные родители! Что вся так сказать жизнь моя основана на этом. Сие блаженное время я почитаю центром моих желаний, источником моих удовольствий. – И так, надеюсь, вы ускорите письмом вашим. Но правда теперь уже его не нужно, я и позабыл, что ныне 13 июня и что чрез 10 дней вы пришлите за мною (каникулы будут 20 июня). Но так как еще мне надо сделать платье, то мы не ранее 23 выедем отсюда; как бы я желал скорее... Ежели вы будете присылать за нами, то пожалуйста пришлите нашу желтую коляску с решетками и шестеркою лошадей. Не забудьте коляску с зонтиком, в случае

дождя чтоб нам спокойно было ехать, не боясь быть промоченными". Гоголь также просит прислать книги из Кибинец "на дорогу для разогнания скуки долго оставаться на постоянных дворах".

Завершается это письмо лирическим размышлением о Родине, родной земле, тихой речке Псел. Но в это пред каникулярное время Гоголя и его друзей ожидало важное событие, которое происходило в Гимназии. 22 июня 1824 года была освящена гимназическая Свято-Александровская церковь. До этого гимназисты ходили на молебен в Свято-Преображенскую церковь.

На церемонии, кроме профессоров и учащихся, присутствовали военные, гражданские чиновники Нежина, родители гимназистов, помещики окрестных сел. После освящения церкви и всех помещений Гимназии, в котором приняло участие духовенство всех церквей Нежина во главе с архимандритом Евгением, почетный попечитель Гимназии А. Г. Кушелев-Безбородко для гостей устроил торжественный завтрак, а в четыре часа по полудни – обед. "В вечеру был дан великолепный бал, который продолжался до двух часов с полночи" [67]. Это важное событие было зафиксировано в журнале конференции. Священник А. Ф. Хойнацкий в своем очерке "Институтская Свято-Александровская церковь в г. Нежине" (1877) называет Н. Гоголя, а также всех пансионеров второго отделения, где он учился, которые присутствовали на этом торжестве.

Гоголь, воспроизведя это торжественное событие, не мог не заметить и забавные случаи, какие-то конкретные ситуации, которые он затем воспроизвел с юмором в своей повести.

23 июня 1824 года Гоголь вместе со своими друзьями Петром Барановым и Александром Данилевским выехали домой на каникулы.

Возвращение с каникул ничем особым для Гоголя в этот год не ознаменовалось.

Приведенные выше факты дают возможность предположить, что в повести "Нечто о Нежине..." Н. Гоголь использует кольцевую композицию: он начинает своё повествование и заканчивает его рассказом об освящении церквей – Святой Елены и Константина на Греческом кладбище и Свято-Александровской в Гимназии высших наук. И несмотря на юмористическую окраску описываемых событий в самой повести, начало и её конец определяют авторскую позицию – не только смеяться над пошлостью, но и помнить о возвышенных ценностях человеческого бытия.

Не претендуя на окончательный вариант раскрытия социально-бытовой основы произведения Н. Гоголя, надеемся на то, что появятся новые факты, которые помогут окунуться в мир гоголевских героев повести и их жизненных ситуаций.

Таким образом, письма Николая Гоголя к Герасиму Высоцкому дали возможность раскрыть многие проблемы, которые волновали автора повести "Нечто о Нежине". Приехав в Петербург, Гоголь сожалел, что не было в нем его друга. Однако повседневная трудная жизнь отодвинула юношеские мечтания на второй план. Гоголь попытался узнать о Высоцком позже, о чем свидетельствуют его письма к В. Тарновскому от 2 октября 1833 г., в которых он спрашивал его: "Не видал ли ты, или не слыхал ли чего-нибудь о Лукашевиче, особенно о Высоцком...". С подобным вопросом Гоголь обращался снова к В. Тарновскому и 7 августа 1834 г. А Г. Высоцкий в это время проживал в своем поместье – в селе Недры Переяславского уезда Полтавской губернии. Как свидетельствует П. В. Владимиров по воспоминаниям соседей Высоцкий "пользовался славой большого несмешника и остряка, иногда свои шутки излагая и в стихах; между прочим, интересовался сочинениями по естественным наукам" [68].

При встрече с П. Кулишом, собиравшем воспоминания о Гоголе для своей книги, Г. Высоцкий отдал ему все, что касалось его связей с другом юности. Этим и заканчивается история взаимоотношений Николая Гоголя и Герасима Высоцкого.

Литература

1. Николай М. [Кулиш П.] Опыт биографии Н. В. Гоголя со включением до сорока его писем. СПб., 1854. Он же. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: в 2 т. СПб., 1856. Т. 1. С. 332; Письма Н. В. Гоголя: в 4 т. / ред. В. И. Шенрока. СПб., [1901]. Т. 1. С. 387; Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. – Москва, 1892. Т. 1.; Шенрок В. И. Ученические годы Гоголя: Биографические заметки. Москва, 1887. С. 131. Владимиров П. В. Из ученических лет Гоголя. К., 1890. 46 с. Приложения; Мачухин С. Письмо Н. В. Гоголя. *Русский курьер*. 1888. 9 мая. № 126. С. 1; Иофанов Д. Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы. К., 1951. С. 429; Манн Ю. В. "Сквозь видный миру смех..." Жизнь Н. В. Гоголя. 1809–1835. Москва, 1994; Супронюк О. К. Из комментариев к письмам Н. В. Гоголя. *Русская литература*. 1989. № 1. С. 156–163; Она же. Н. В. Гоголь и его окружение в Нежинской гимназии. Биобиблиографический словарь. Киев: Академперіодика, 2009. – 252 с.
2. Супронюк О. Н. В. Гоголь и его окружение... С. 41.
3. Гимназия и Лицей кн. Безбородко. СПб., 1881. С. СXXX.
4. Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем / вступит. статьи и коммент. И. А. Виноградова. Москва, 2003. С. 120.
5. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. I–XIV. Москва; Л.: Изд. АН СССР. 1937–1952. В дальнейшем ссылки даются по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте.
6. До коментування ранніх листів Миколи Гоголя. *Київська старовина*. 1908. № 4. С. 169.

7. Пашенко Т. Г. Черты из жизни Гоголя. *Берег*. 1880. 18 дек.
8. Письма Н. В. Гоголя: в 4 т. / под ред. В. И. Шенрока. СПб., 1901. Т. 1. С. 56.
9. Гимназия высших наук и Лицей кн. Безбородко. СПб., 1881. С. 317.
10. Гоголевский сборник, изданный состоящей при Историко-филологическом институте кн. Безбородко Гоголевской комиссией под ред. проф. М. Сперанского. К., 1902. С. 419.
11. Петряев Е. Записки книголюба. Киров, 1978.
12. Супронюк О. Н. В. Гоголь и его окружение... С. 232.
13. Там же. С. 206.
14. Гимназия высших наук и Лицей кн. Безбородко. СПб., 1881. С. 289.
15. Там же. С. 290.
16. Там же. С. 7.
17. Там же. С. 88.
18. Гимназия высших наук и Лицей кн. Безбородко. СПб., 1881. С. 231.
19. Гоголевский сборник, с. 310.
20. Гимназия высших наук и Лицей кн. Безбородко. С. 245–247.
21. Иофанов Д. М. Н. В. Гоголь: Детские и юношеские годы. К., 1951. С. 369.
22. Виноградов И. А. Религиозное образование Гоголя в Нежинской гимназии. *Н. В. Гоголь и православие*. Москва, 2004. С. 154–306.
23. Гимназия высших наук и Лицей кн. Безбородко. С. 443.
24. Московские ведомости. 1853. № 71. С. 729.
25. Кулжинский И. Г. Воспоминания учителя. *Московитянин*. 1854. Т. 6. № 21. Отд. 5. Смесь. 1–16.
26. Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. Москва, 1892. Т. 1. С. 147.
27. См. подробнее: Самойленко Г. В. Театральне та музичне життя Ніжина XVII–XX ст. Нариси культури. Ніжин, 1995. Ч. 2. С. 3–8.
28. *Берег*. 1880. № 268. А также: Гоголь в воспоминаниях современников. Москва, 1952. С. 3–4.
29. Коялович А. Детство и юность Гоголя. *Московский сборник* / под ред. Сергея Шарапова. Москва, 1887. С. 226.
30. Лицей кн. Безбородко / изд. Гр. Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 21.
31. Пашенко Т. Г. по записи В. Пашкова. *Берег*. 1880. № 268. То же: Гоголь в воспоминаниях современников. Москва, 1952. С. 44–45.
32. Шенрок В. Н. В. Гоголь и А. С. Данилевский. *Вестник Европы*. 1890. № 1. С. 79.
33. Шенрок В. Материалы для биографии Гоголя: в 4 т. Москва, 1892–1897. Т. 1. С. 241.
34. Кулжинский И. Г. Воспоминания учителя. *Московитянин*. 1854. Т. 6. № 21. Отд. 5. Смесь. С. 16.
35. Глебов С. Воспоминания о Гоголе. *Русская старина*. 1910. № 1. С. 70–71.
36. Гоголь Николай Васильевич. Его жизнь и сочинения. Москва, 1910. С. 24.

37. Шенрок В. И. Материалы для биографии: в 4 т. Москва, 1892. Т. 1. С. 241.
38. Лицей кн. Безбородко. СПб., 1859. С. 21–22.
39. Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. Москва, 1892. Т. 1. С. 241.
40. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. 1802–1825. С. 236.
41. Там же. С. 1600–1602.
42. ОЧОАН. Ф. 1104. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 2.
43. Там же. Ф. 1104, оп. 1. Ед.хр. 20.
44. Гимназия высших наук и Лицей кн. Безбородко. С. 273.
45. Пец-Галуховский (М. А. Максимович) [Рец. на "Малороссийскую деревню"]. *Московский телеграф*. 1827. Ч. 13.
46. Барабаш Ю. Я. Иван Кулжинский, волонтер малороссийства (сквозь призму гоголевской оценки). *История национальных литератур. Перечитывая и переосмысливая*. Москва, 1995. Вып. 1. С. 39–51.
47. Сперанский М. один из учителей Н.В. Гоголя (И. Г. Кулжинский). Нежин, 1906. (Со списком сочинений).
48. Артынов Н. Ю. Из воспоминаний. *Русский архив*. 1877. Кн. 3. С. 191.
49. Глебов С. Воспоминания о Гоголе. *Русская старина*. 1910. № 1. С. 67–68.
50. Там же. С. 68.
51. [Кулиш П.] Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя... СПб., 1856. С. 43–54.
52. Мачухин С. Письмо Н. В. Гоголя. *Русский курьер*. 1888. 9 мая. № 126. С. 1.
53. Владимиров П. В. Из ученических лет Гоголя. *Известия Киевск. ун-та*. 1890. № 5. Май. С. 1–46. Прил. С. 2.
54. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя...: в 2 т. СПб., 1856. Т. 1. С. 24.
55. Там же с. 25.
56. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя...: в 2 т. СПб., 1856. Т. 1. С. 25.
57. Там же. с. 26.
58. Гимназия высших наук и лицей кн. Безбородко. С. 364.
59. Гоголь в Нежинском лицее (Из воспоминаний В. И. Любича-Романовича). *Исторический вестник*. Год 23. Февраль. 1902. С. 554.
60. ОЧОАН. Ф. 1249. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 4.
61. Харлампович К. До історії національних меншостей на Україні. Грецька колонія в Ніжині (XII–XII ст.) Нарис. Ніжинські греки і торгівля. *Записки історико-філологічного товариства Андрія Білецького*. Київ, 1999. Вип. 3. С. 130.
62. Строжевский Н. К. Нежинские греки. Киев, 1883. С. 19–20.
63. Харлампович К. До історії національних меншостей на Україні. Грецька колонія в Ніжині (XII–XII ст.) Нарис. Ніжинські греки і торгівля. *Записки історико-філологічного товариства Андрія Білецького*. Київ 1999. Вип. 3. С. 128.

64. Долгорукий И. М. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда. *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете*. Июль–сентябрь. Москва, 1869. Кн. 3. II. Материалы отечественные. С. 312.

65. Исторический вестник. 1902. Т. 87. № 2. С. 548.

66. Путешествие в Киев в 1817 году князя Ивана Михайловича Долгорукого. *Чтение в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете*. Москва, 1870. Апрель–июнь. Кн. 2. II. Материалы отечественные. С. 58–60.

67. Хойнацкий А. Ф. Институтская Свято-Александровская церковь в г. Нежине. Нежин, 1877. С. 14.

68. Владимирив П. В. Из ученических лет Гоголя. Киев, 1890. С. 10.

References

1. Nikolay M. [Kulish P.] Opyit biografii N. V. Gogolya so vlyucheniem do soroka ego pisem. SPb., 1854. On je. Zapiski o jizni Nikolaya Vasilevicha Gogolya, sostavlennyye iz vospominaniy ego družey i znakomyih i iz ego sobstvennyih pisem: v 2 t. SPb., 1856. T. 1. S. 332; Pisma N. V. Gogolya: v 4 t. / red. V. I. SHenroka. SPb., [1901]. T. 1. S. 387; SHenrok V. I. Materialy dlya biografii Gogolya. – Moskva, 1892. T. 1.; SHenrok V. I. Uchenicheskie gody Gogolya: Biograficheskie zametki. Moskva, 1887. S. 131. Vladimirov P. V. Iz uchenicheskikh let Gogolya. K., 1890. 46 s. Prilojeniya; Machuhin S. Pismo N. V. Gogolya. Russkiy kurer. 1888. 9 maya. № 126. S. 1; Iofanov D. N. V. Gogol. Detskie i yunoshcheskie gody. K., 1951. S. 429; Mann YU. V. "Skvoz vidnyiy miru smeh..." Jizn N. V. Gogolya. 1809–1835. Moskva, 1994; Supronyuk O. K. Iz kommentariyev k pismam N. V. Gogolya. Russkaya literatura. 1989. № 1. S. 156–163; Ona je. N. V. Gogol i ego okrujenie v Nejinskoj gimnazii. Biobibliograficheskiy slovar. Kiev: Akadempriodika, 2009. – 252 s.

2. Supronyuk O. N. V. Gogol i ego okrujenie... S. 41.

3. Gimnaziya i Litsey kn. Bezborodko. SPb., 1881. S. SHHH.

4. Kulish P. A. Zapiski o jizni Nikolaya Vasilevicha Gogolya, sostavlennyye iz vospominaniy ego družey i znakomyih i iz ego sobstvennyih pisem / vstupil. stati i komment. I. A. Vinogradova. Moskva, 2003. S. 120.

5. Gogol N. V. Polnoe sobranie sochineniy. T. I–HIV. Moskva; L.: Izd. AN SSSR. 1937–1952. V dalneyshem ssylki dayutsya po etomu izdaniyu s ukazaniem toma i stranitsy v tekste.

6. Do komentuvannya rannih listiv Mikoli Gogolya. Kiivska starovina. 1908. № 4. S. 169.

7. Paschenko T. G. CHerty iz jizni Gogolya. Bereg. 1880. 18 dek.

8. Pisma N. V. Gogolya: v 4 t. / pod red. V. I. SHenroka. SPb., 1901. T. 1. S. 56.

9. Gimnaziya vysshih nauk i Litsey kn. Bezborodko. SPb., 1881. S. 317.

10. Gogolevskiy sbornik, izdannyiy sostoyashey pri Istoriko-filologicheskome institute kn. Bezborodko Gogolevskoy komissii pod red. prof. M. Speranskogo. K., 1902. S. 419.

11. Petryaev E. Zapiski knigolyuba. Kirov, 1978.

12. Supronyuk O. N. V. Gogol i ego okrujenie... S. 232.

13. Tam je. S. 206.
14. Gimnaziya vysshih nauk i Litsey kn. Bezborodko. SPb., 1881. S. 289.
15. Tam je. S. 290.
16. Tam je. S. 7
17. Tam je. S. 88.
18. Gimnaziya vysshih nauk i Litsey kn. Bezborodko. SPb., 1881. S. 231.
19. Gogolevskiy sbornik, s. 310.
20. Gimnaziya vysshih nauk i Litsey kn. Bezborodko. S. 245–247.
21. Iofanov D. M. N. V. Gogol: Detskie i yunosheskie godyi. K., 1951. S. 369.
22. Vinogradov I. A. Religioznoe obrazovanie Gogolya v Nejinskoy gimnazii. N. V. Gogol i pravoslavie. Moskva, 2004. S. 154–306.
23. Gimnaziya vysshih nauk i Litsey kn. Bezborodko. S. 443.
24. Moskovskie vedomosti. 1853. № 71. S. 729.
25. Kuljinskiy I. G. Vospominaniya uchitelya. Moskovityanin. 1854. T. 6. № 21. Otd. 5. Smes. 1–16.
26. SHenrok V. I. Materialyi dlya biografii Gogolya. Moskva, 1892. T. 1. S. 147.
27. Sm. podrobnее: Samoylenko G. V. Teatralne ta muzichne jittya Nijina HVII–HH st. Narisi kulturi. Nijin, 1995. CH. 2. S. 3–8.
28. Bereg. 1880. № 268. A takje: Gogol v vospominaniyah sovremennikov. Moskva, 1952. S. 3–4.
29. Koyalovich A. Detstvo i yunost Gogolya. Moskovskiy sbornik / pod red. Sergeya SHarapova. Moskva, 1887. S. 226.
30. Litsey kn. Bezborodko / izd. Gr. G. A. Kushelev-Bezborodko. SPb., 1859. S. 21.
31. Paschenko T. G. po zapisi V. Pashkova. Bereg. 1880. № 268. To je: Gogol v vospominaniyah sovremennikov. Moskva, 1952. S. 44–45.
32. SHenrok V. N. V. Gogol i A. S. Danilevskiy. Vestnik Evropyi. 1890. № 1. S. 79.
33. SHenrok V. Materialyi dlya biografii Gogolya: v 4 t. Moskva, 1892–1897. T. 1. S. 241.
34. Kuljinskiy I. G. Vospominaniya uchitelya. Moskovityanin. 1854. T. 6. № 21. Otd. 5. Smes. S. 16.
35. Glebov S. Vospominaniya o Gogle. Russkaya starina. 1910. № 1. S. 70–71.
36. Gogol Nikolay Vasilevich. Ego jizn i sochineniya. Moskva, 1910. S. 24.
37. SHenrok V. I. Materialyi dlya biografii: v 4 t. Moskva, 1892. T. 1. S. 241.
38. Litsey kn. Bezborodko. SPb., 1859. S. 21–22.
39. SHenrok V. I. Materialyi dlya biografii Gogolya. Moskva, 1892. T. 1. S. 241.
40. Sbornik postanovleniy po Ministerstvu narodnogo prosvescheniya. SPb., 1864. T. 1. 1802–1825. S. 236.
41. Tam je. S. 1600–1602.
42. OCHOAN, F. 1104. Op. 1. Ed. hr. 99, l. 2.
43. Tam je, f. 1104, op. 1, ed. hr. 20.
44. Gimnaziya vysshih nauk i Litsey kn. Bezborodko. S. 273.

45. Pets-Galuhovskiy (M. A. Maksimovich) [Rets. na "Malorossiyskuyu derevnyu"]. Moskovskiy telegraf. 1827. CH. 13.
46. Barabash YU. YA. Ivan Kuljinskiy, volonter malorossiystva (skvoz prizmu gogolevskoy otsenki). Istoriya natsionalnykh literatur. Perechityvaya i pereosmyslivaya. Moskva, 1995. Vyip. 1. S. 39–51.
47. Speranskiy M. odin iz uchiteley N.V. Gogolya (I. G. Kuljinskiy). Nejin, 1906. (So spiskom sochineniy).
48. Artyinov N. YU. Iz vospominaniy. Russkiy arhiv. 1877. Kn. 3. S. 191.
49. Glebov S. Vospominaniya o Gogole. Russkaya starina. 1910. № 1. S. 67–68.
50. Tam je. S. 68.
51. [Kulish P.] Zapiski o jizni Nikolaya Vasilevicha Gogolya... SPb., 1856. S. 43–54.
52. Machuhin S. Pismo N. V. Gogolya. Russkiy kurer. 1888. 9 maya. № 126. S. 1.
53. Vladimirov P. V. Iz uchenicheskikh let Gogolya. Izvestiya Kievsk. un-ta. 1890. № 5. May. S. 1–46. Pril. S. 2.
54. Zapiski o jizni Nikolaya Vasilevicha Gogolya...: v 2 t. SPb., 1856. T. 1. S. 24.
55. Tam je. s. 25.
56. Zapiski o jizni Nikolaya Vasilevicha Gogolya...: v 2 t. SPb., 1856. T. 1. S. 25.
57. Tam je. s. 26.
58. Gimnaziya vysshikh nauk i litsey kn. Bezborodko. S. 364.
59. Gogol v Nejinskom litsee (Iz vospominaniy V. I. Lyubicha-Romanovicha). Istoricheskiy vestnik. God 23. Fevral. 1902. S. 554.
60. OCHOAN. F. 1249. Op. 1., Ed. hr. 128. I. 4.
61. Harlampovich K. Do istorii natsionalnih menshostey na Ukraïni. Gretska koloniya v Nijini (HII–HII st.) Naris. Nijinski greki i trgovlya. Zapiski istoriko-filologichnogo tovaristva Andriya Biletskogo. Kïv, 1999. Vip. 3. S. 130.
62. Strojevskiy N. K. Nejinskie greki. Kiev, 1883. S. 19–20.
63. Harlampovich K. Do istorii natsionalnih menshostey na Ukraïni. Gretska koloniya v Nijini (HII–HII st.) Naris. Nijinski greki i trgovlya. Zapiski istoriko-filologichnogo tovaristva Andriya Biletskogo. Kïv 1999. Vip. 3. S. 128.
64. Dolgorukiy I. M. Slavnyi bubnyi za gorami, ili Puteshestvie moe koe-kuda. CHteniya v Imp. Obschestve istorii i drevnostey ros. Pri Mosk. un-te. Iyul–sentyabr. Moskva, 1869. Kn. 3. II. Materialy otechestvennyie. S. 312.
65. Istoricheskiy vestnik. 1902. T. 87, № 2. S. 548.
66. Puteshestvie v Kiev v 1817 godu knyazya Ivana Mihaylovicha Dolgorukogo. CHtenie v Imp. Obschestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete. Moskva, 1870. Aprel–iyun. Kn. 2. II. Materialy otechestvennyie. S. 58–60.
67. Hoynatskiy A. F. Institutskaya Svyato-Aleksandrovsкая tserkov v g. Nejine. Nejin, 1877. S. 14.
68. Vladimirov P. V. Iz uchenicheskikh let Gogolya. Kiev, 1890. S. 10.

Г. В. Самойленко

доктор філологічних наук, професор кафедри слов'янської філології, компаративістики і перекладу Ніжинського державного університету імені Миколи Гоголя

**Ніжинські листи М. Гоголя до Г. Висоцького:
до проблеми життєвих та творчих взаємин**

У статті на широкому епістолярному матеріалі розкриваються особливості побутового та творчого життя студентів Гімназії вищих наук кн. Безбородька, подаються характеристики не лише адресата листів М. Гоголя, а і тих осіб, про яких іде у них мова (професори К. Шаполинський, М. Белоусов, К. Мойсеев, Н. Білевич, І. Кульжинський, а також співробітники Гімназії та товариші по навчанню М. Гоголя і Г. Висоцького). Особливе місце у статті посідає характеристика психологічного та морального стану М. Гоголя останніх років перебування в Гімназії, його участі у театральному житті навчального закладу.

В центрі уваги автора статті також аналіз перших літературних творів М. Гоголя, зокрема його сатири "Дещо про Ніжин, або Дурням закон не писаний". Автор статті приходить до висновку, що листи М. Гоголя до Г. Висоцького є важливим джерелом інформації як про особистість майбутнього письменника, його перші кроки в літературі, так і про навчально-виховний та позааудиторний процес, який проходив у Гімназії вищих наук кн. Безбородька.

Ключові слова: Гімназія вищих наук, Ніжин, М. Гоголь, Г. Висоцький, листування, студентське життя.

G. V. Samoilenko

Doctor of Philology, Professor of the Department of Slavic Philology, Comparative Studies and Translation of the Nizhyn Gogol State University Nizhyn Mykola Gogol State University

N. Gogol's letters from Nizhyn to G. Vysotsky: Problem of life and work links

Drawing on the vast epistolary material, the article reveals the peculiarities of routine and creative life of the students of the Lyceum of Higher Sciences of Prince Bezborodko, characterizes the addressee of N. Gogol's letters as well as the persons referred to: professors K. Shapolynsky, M. Belousov, K. Moysseyev, N. Bilevych, I. Kulzhinsky; Lyceum employees and Gogol and Vysotsky's fellow-students. The paper pays special attention to characterizing Gogol's psychological and moral state during the last years of his stay in the Lyceum, his participation in its theatrical life.

The author of the article also focuses on the analysis of Gogol's first literary works, namely his satire entitled "Something about Nizhyn, or how fools ignore laws". The researcher comes to the conclusion that Gogol's letters to Vysotsky serve as an important source of information about both the personality of the future writer, his first steps in literature and about the teaching process and extra-curricular activities at the Lyceum of Higher Sciences of Prince Bezborodko.

Key words: Lyceum of Higher Sciences, Nizhyn, N. Gogol, G. Vysotsky, correspondence, students' life.